

Little-page

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

COLLEGE
JUL 31 1894

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРЫ.

ДВАДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 7-я.

ИЮЛЬ, 1894.

4

ПЕТЕРБУРГЪ.

667-57/2

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ШЕСТЬДЕСЯТЬ-ВОСЬМОЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ IV

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 5-я линія, № 28.		Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.
---	--	--

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1894

ОТЪ НОВАГО МАРГЕЛАНА

ДО

ГРАНИЦЫ БУХАРЫ

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ.

Осенью прошлаго, 1893, года, нашимъ правительствомъ была отправлена въ предѣлы бухарскаго ханства, подѣ начальствомъ генеральнаго штаба генераль-маіора Баева, таможенная экспедиція; она имѣла главнымъ назначеніемъ изучить на мѣстѣ условія перенесенія существующей туркестанской таможенной линіи на бухарско-афганскую границу. Экспедиція прошла по всей бухарской территоріи отъ восточныхъ ея предѣловъ у Памирскаго плоскогорья до границы Закаспійской области на западѣ.

Я имѣлъ разрѣшеніе сопровождать экспедицію въ качествѣ частнаго лица. Поспѣшность, съ которой былъ пройденъ этотъ длинный путь, а главнымъ образомъ, незнаніе восточныхъ языковъ, помѣшали мнѣ собрать достаточно подробныя свѣденія о пройденныхъ экспедиціей странахъ; поэтому рядъ статей, задуманныхъ мною на основаніи дневника, веденнаго во время пути, не можетъ претендовать на какое-либо научное значеніе, и полагаю, что только отдаленность посѣщенныхъ мѣстностей и малое знакомство съ ними большинства публики даютъ мнѣ нѣкоторое право предложить вниманію читателя результаты своихъ дорожныхъ впечатлѣній. На этотъ разъ я ограничусь описаніемъ первыхъ дней пути—въ предѣлахъ Ферганской области.

I.

5-го августа, въ 9 часовъ утра, всѣ участники экспедиціи собрались въ гостепріимномъ домѣ управляющаго ферганскимъ таможеннымъ отдѣломъ. Былъ отслуженъ напутственный молебенъ, и черезъ часъ, послѣ веселаго завтрака, на которомъ было произнесено не мало тостовъ съ пожеланіями путникамъ счастливаго странствованія на дальней чужбинѣ и радостнаго возвращенія въ родные предѣлы, — экспедиція выступила. Она снаряжалась въ Маргеланъ, въ предѣлахъ недавняго кокандскаго ханства, — гдѣ еще 20 лѣтъ назадъ каждый непрошенный гость-европеецъ рисковалъ покончить свои дни на висѣлицѣ, среди злорадныхъ кривовъ базарной толпы, — и направлялась въ малозвѣстные донинѣ края мусульманскаго востока. Мысль о выступленіи подобной экспедиціи должна вызвать въ представленіи читателя, никогда не переступавшаго европейской границы и не интересовавшагося нашей азіатской окраиной, картину довольно воинственнаго характера. Такой читатель вѣроятно увидитъ въ своемъ воображеніи пыльную городскую площадь, лежащее посреди нея стадо только что навьюченныхъ верблюдовъ, поднимаемое криками погонщиковъ и вытягивающееся длинной вереницей въ просторъ степной дороги; увидитъ въ необыкновенныхъ походныхъ одеждахъ горсть вооруженныхъ съ ногъ до головы храбрецовъ, отважно пускающихся въ опасный путь, и отрядъ казаковъ, долженствующихъ оберегать ихъ отъ злобы фанатической толпы; а если читателю въ тому же приходилось слышать рассказы иныхъ изъ нашихъ среднеазіатскихъ изслѣдователей, то онъ, конечно, будетъ ожидать, что величайшія изъ предстоящихъ экспедиціи трудовъ и опасностей выпали непременно на долю самого автора и что стойкостью въ лишеніяхъ, способностью импонировать дикимъ племенамъ и вообще всякими доблестными качествами онъ превзошелъ и спутниковъ, и всѣхъ своихъ предшественниковъ. Въ дѣйствительности ничего подобнаго не было.

Мы размѣстились самымъ мирнымъ образомъ въ парныхъ, съ пристяжкой на отлетѣ, извозчичьихъ коляскахъ, которымъ могла бы позавидовать далекая столица, и направились по красивымъ улицамъ Новаго-Маргелана, одного изъ тѣхъ юныхъ туркестанскихъ городовъ, которые, какъ бы по волшебному слову, выросли по волѣ русской власти среди пустынной степи, растянули на ея просторѣ сѣтъ своихъ прямыхъ, какъ стрѣла, улицъ-аллей и потонули въ зелени своихъ быстрорастущихъ садовъ. Коляски не-

слышно катились по гладкому шоссе, и скоро высокіе тополя по сторонамъ улицы, почти скрывавшіе своими вѣтвями отъ глазъ проѣзжаго ряды низенькихъ одноэтажныхъ домовъ, смѣнились молодыми посадками, дававшими просвѣтъ на вновь строящіеся въ концѣ города зданія. Миновавъ крѣпость—такъ зовется въ Маргеланѣ кирпичная бѣлая стѣна, охватывающая неправильнымъ четырехугольникомъ нѣсколько казарменныхъ строеній,—мы переправились черезъ Маргеланъ-сай, воды котораго даютъ жизнь городу, и выѣхали на просторъ.

Не весело смотрѣла эта южная окраина „роскошной“ Ферганы: небольшія площади полей спѣющей джугары ¹⁾, окаймленные кое-гдѣ рядами рѣдко посаженныхъ деревьевъ, чередовались то съ пространствами желтой, почти голой, земли, то съ полосами яркой зелени рисовыхъ посѣвовъ, слегка оживляющихъ однообразный пейзажъ. Это была обычная, въ теченіе двухъ-недѣльнаго пребыванія въ краѣ, уже успѣвшая мнѣ приглядѣться, картина туркестанскаго оазиса на его пограничной съ пустыней полосѣ, гдѣ каждая пядь культурной земли изъ поколѣнія въ поколѣніе оспаривается человекомъ у пустыни въ тяжелой, настойчивой борьбѣ, гдѣ каждая капля влаги на жаждущія поля проведена изъ далека его руками. Правда, напоенная имъ земля, какъ бы въ благодарность, воздастъ ему сторицей за его неустанный трудъ; но стоитъ человеку хоть на одинъ годъ оставить безъ защиты родныя поля, и пустыня вновь овладѣетъ ими: вода уже не дойдетъ до нихъ, насаженные деревья засохнутъ, исчезнутъ, и жизнь покинетъ эти мѣста. Голодная степь съ ея невозмутимымъ, ничѣмъ не нарушаемымъ однообразиемъ гладкой, какъ столъ, поверхности, съ ея молчаливымъ просторомъ, включаетъ ихъ въ свои широкія объятія, и заброшенный въ этотъ безграничный просторъ путникъ не найдетъ въ немъ ни единого предмета, на которомъ бы ему остановить свой блуждающій взоръ, ни единого дерева, ни туманнаго очертанія холма на далекомъ горизонтѣ, ни малѣйшаго намека на жизнь. Только однажды въ годъ оживаетъ степь, когда ранніе весенніе дожди покрываютъ ее зеленымъ ковромъ,—но лишь на самое короткое время. Скоро солнце заставитъ поблекнуть траву, она пожелтѣетъ, потомъ травы, потерявъ всякій цвѣтъ, какъ бы посѣдѣютъ, и степь, точно безграничная блѣдная нива овсянаго поля, охватитъ въ разгарѣ лѣта со всѣхъ сторонъ одинокаго путника, сливаясь на едва уловимой чертѣ горизонта съ такимъ же блѣднымъ и без-

¹⁾ Родъ кузгурун.

цѣтнымъ, какъ она, небомъ. Случается, что какой-нибудь арба-
кешъ ¹⁾, пробираясь со своей арбой черезъ степь, вздумаетъ раз-
вести огонь; вѣтеръ быстро подхватитъ его, и тогда картина степи
мѣняется: длинная лента яркаго пламени, медленно, шагъ за ша-
гомъ, но безпрепятственно, двигаясь впередъ дымящейся полосой,
охватитъ десятки верстъ, испепелитъ жесткія сухія травы и оста-
витъ тамъ, гдѣ прошла, черное обугленное пространство: удив-
ленному путнику, впервые приближающемуся къ нему, покажется,
будто передъ нимъ разстилается широкая пашня благодатнаго
чернозема... Какъ ни безотрадно впечатлѣніе, производимое степью,
поглотившей прежній оазисъ, путнику все же остается въ утѣ-
шеніе надежда, что когда-нибудь, — быть можетъ, черезъ полсотни
лѣтъ, — человѣкъ во всеоружіи знанія вновь вступитъ съ нею въ
борьбу, прорѣжетъ ее глубокими каналами, проведетъ по нимъ
или силою пара перельетъ въ пустыню мутныя воды далекой
Сыръ-Дарьи, и жизнь возродится въ новыхъ поляхъ съ небыва-
лою силой.

Но у покинутаго человѣкомъ оазиса есть иной, болѣе страш-
ный врагъ, предъ которымъ безвластны другія силы природы, и
который никогда не вернетъ разъ отвоеванной имъ территоріи:
это сыпучій песокъ, насылаемый пустыней въ оазисъ вслѣдъ ухо-
дящему человѣку. Пески засыпаютъ пересохшіе арыки ²⁾; глино-
битныя стѣны домовъ и заборовъ опустѣвшаго кишлака ³⁾, стволы
погибшихъ деревьевъ безслѣдно исчезаютъ подъ ними, не удер-
жавъ ихъ наступленія, послуживъ лишь основаніемъ для высокихъ
бархановъ ⁴⁾. Точно искусная рука насыпала эти барханы: такъ
гладокъ ихъ подвѣтренный отлогій склонъ, такой правильной ду-
гой загнуты его серповидные края. Но песокъ въ пустынѣ не-
исчерпаемъ, и вѣтеръ, нанося песчинку за песчинкой, надвигаетъ
его волны все дальше и дальше; число дюнъ и бархановъ мно-
жится; они теряютъ свои геометрическія формы, и наконецъ цѣ-
лое море песчаныхъ холмовъ, точно застывшія волны бурнаго
океана, покрываетъ пространство въ десятки и сотни верстъ.
Это море страшно. Оно залегаетъ между населенныхъ странъ,
дѣлитъ народы и отдаляетъ время выполненія мірового закона ихъ
сближенія. Проходитъ много вѣковъ прежде, чѣмъ всесильное по-
бужденіе торговли вынудитъ человѣка повести черезъ пески кара-

¹⁾ Арбакешъ — погонщикъ арбъ.

²⁾ Арыкъ — оросительная канава.

³⁾ Кишлакъ — селеніе.

⁴⁾ Барханъ — песчаные холмы, субъ-аэральнаго образованія, въ отличіе отъ дюнъ,
результата дѣйствія воды и вѣтра.

ваны, заставить его вырыть среди них колодцы. Нужно эгоистическое чувство наживы, чтобы человекъ рискнулъ въ нихъ войти.

Только одинъ человекъ прошелъ чрезъ нихъ, не желая никакой выгоды, не ожидая никакой награды: это былъ русскій солдатъ за годъ до того, быть можетъ, покинувшій лѣса далекой Перми или бессарабскія степи, чтобы вступить въ ряды войскъ Кавказа, имя котораго зналъ лишь смутно по наслышкѣ. Его повезли по Каспійскому морю, о существованіи котораго онъ и не вѣдалъ, высадили на азіатскомъ берегу среди голыхъ, неприкритыхъ песковъ и повели черезъ эти пески туда, гдѣ его ждалъ невѣдомый ему, готовый биться на смерть врагъ. И онъ пошелъ: ноги вязли въ горячемъ пескѣ, солнце жгло, трескались изсохшія губы... Колодцы были засыпаны; онъ падалъ въ изнеможеніи, подымался и шелъ дальше; куда? — онъ этого не зналъ. Онъ не зналъ, что, пройдя пески, найдетъ опять русскую землю; что за этимъ ближайшимъ врагомъ, въ баснословномъ индійскомъ царствѣ, есть другой, болѣе сильный врагъ, значеніе котораго даетъ оправданіе и смыслъ его геройскимъ трудамъ: онъ зналъ только, что его послало впередъ царское слово. Это слово прошло черезъ много устъ прежде, чѣмъ дошло до него, разошлось между многими тысячами ему подобныхъ солдатъ, но каждый уразумѣлъ его ясно, точно оно было сказано прямо ему: оно разожгло въ немъ безсознательно тлившееся чувство любви къ роднымъ завѣтамъ и странѣ; передъ этимъ пламенемъ казались ему бессильны жгучіе лучи солнца, раскалявшіе песокъ; этой царской волей билось сердце подъ бѣлой рубахой; можетъ ли онъ исполнить ее? — объ этомъ нѣтъ ни минуты раздумья,—и онъ идетъ впередъ, безповоротно, безстрашно, со всей неудержимой силой, не вѣдающей себя преграды всепобѣдной, стихійной мощи...

Страшны пески пустыни, и кто разъ ихъ видѣлъ, хотя бы изъ оконъ вагона, кто хотя разъ испыталъ на себѣ тягостное, гнетущее впечатлѣніе, производимое ими, тотъ уже не забудетъ ихъ и пойметъ цѣну труду борющагося съ нимъ человека. Кто, привыкнувъ къ странамъ болѣе счастливой Европы, впервые увидѣлъ голодныя степи Средней Азіи, тотъ сразу проникается какимъ-то своеобразнымъ чувствомъ уваженія къ каждой струѣ воды, проведенной руками человека, къ каждому проявленію листвы на посаженномъ имъ деревѣ.

Таково, по крайней мѣрѣ, было впечатлѣніе, произведенное на меня природой туркестанскаго края даже въ той Ферганѣ, которую я представлялъ себѣ, судя по краснорѣчивымъ описаніямъ,

райской долиной, покрытой непрерывнымъ садомъ. Я ѣхалъ теперь по этой долинѣ и съ уваженіемъ глядѣлъ на арйки (банавы), несущіе воду въ сплосъ залитое поле, и на работающаго близъ дороги сарта, который, подставивъ солнечнымъ лучамъ оголенную спину, загорѣвшую до цвѣта античной бронзы, высоко поднималъ надъ головой кетмень ¹⁾ и съ размаху опускалъ его на землю, сильнымъ ударомъ разрыхляя твердую почву...

Коляска остановилась; на встрѣчу двигалось густое облако пыли: изъ кишлака, къ которому мы подъѣхали, гнали стадо курдючныхъ барановъ. Раскачивая свои жирныя спины, они обходили по сторонамъ экипажа, протискиваясь между нимъ и высокими глиняными заборами (дувалами), которые огораживали дорогу. Стадо прошло; мы въѣхали въ кишлакъ; его улицы узки и кривы; сложенные изъ глины сакли, лишеныя со стороны улицы оконъ, такъ низки, что до плоскихъ крышъ человѣкъ высокаго роста могъ бы достать рукой. Передъ однимъ изъ такихъ примитивныхъ строеній, немного получше другихъ, тянулся навѣсъ изъ циновки, поддерживаемый рядомъ жиденькихъ столбовъ: это былъ „чай-хане“ — чайный домъ, любимое мѣсто для сборищъ праздныхъ или отдыхающихъ жителей; они и теперь сидѣли здѣсь на широкихъ глиняныхъ площадкахъ (айваны), покрытыхъ войлокомъ, и, поджавъ ноги, попивали „кобъ-чай“ изъ зеленыхъ чашечекъ безъ ручекъ. Они одѣты въ пестрые, яркихъ цвѣтовъ, хотя и поношенные халаты, сшитые или изъ матерій мѣстнаго производства, съ красными, бѣлыми и зелеными полосами, или изъ московскихъ ситцевъ, разнообразныхъ рисунковъ, приносившихъ къ здѣшнему вкусу; одни живописно обмотали себѣ голову чалмой; большинство сидитъ въ вышитыхъ полкомъ шапочкахъ, покрывающихъ макушки бритыхъ головъ. Выраженіе ихъ узбекскихъ лицъ, между которыми иногда попадаетъ рѣзко очерченный арийскій профиль таджика, полно унынія и скучно. Нѣкоторые, при видѣ начальства, нѣхота встаютъ и, сложивъ руки на животѣ, стибаятъ спину, не наклоняя, однако, головы, а продолжая глядѣть вамъ въ глаза; есть что-то оттаптывающее въ этомъ уродливомъ поклонѣ (куддукъ), въ которомъ такъ и сквозитъ восточное низкопоклонство.

Толпа босоногихъ ребятишекъ бѣжитъ за коляской; у этихъ еще незамѣтно ни обычнаго спокойствія, ни апатичности ихъ отцовъ; это все бойкій народъ, съ оживленными лицами, съ быст-

¹⁾ Железная лопата, имѣющая форму ложки, приделанной къ рукояткѣ подъ прямымъ угломъ.

рыми темнокарими глазами. Они гонятся за экипажемъ, весело крича какія-то, вѣроятно, нелестныя на нашъ счетъ замѣчанія, и, запыхавшись, останавливаются среди пыльной дороги; на смѣну имъ изъ каждой сакли, изъ каждаго переулка выбѣгаютъ другіе; иные же стоятъ неподвижно на порогѣ покривившихся дверокъ и пристальнымъ взглядомъ слѣдятъ за проѣзжающими, сдвинувъ вдумчивую не по годамъ складку на высокомъ лбу. Еще нѣсколько поворотовъ между дувановъ, нѣсколько дворовъ, осѣненныхъ широко-вѣтвистыми карагачами—и мы опять среди полей.

Не знаю, — желаніе ли найти что-либо необычайное, когда захалъ вдаль отъ родины, или контрастъ ферганскихъ оазисовъ съ окружающими пустынями, — но что-то заставляетъ всѣхъ путешественниковъ воспѣвать красоту этой долины, точно они сговорились повторять слова древнихъ азіатскихъ писателей. Въ устахъ этихъ послѣднихъ понятны восторги по поводу оазиса, гдѣ мѣстами можно позабыть сосѣднія пустыни; къ тому же въ тѣ далекія времена высыханіе туркестанской низменности подвинулось еще не такъ далеко, какъ нынѣ; въ ней встрѣчались еще „туранги“, естественно растущіе лѣса. Они, эти азіаты, лучшаго не знали; но для насъ, выдавшихъ ласковую улыбку природы среди долинъ Апеннинскихъ холмовъ, дышавшихъ задумчивой нѣгой малороссійскаго вечера, видѣвшихъ, съ какой свободной мощью раскинули свою листву столѣтніе дубовые лѣса Подола; для насъ, посѣтившихъ берега Крыма, гдѣ радостная пѣснь просится на встрѣчу лучамъ ласкающаго солнца, — какъ-то странно восторгаться красотой „благодатной“ долины Ферганы. Здѣсь солнце жжетъ и томитъ человѣка, убиваетъ его волю, сковываетъ умъ; здѣсь лѣтній дождь никогда не омываетъ потускнѣвшей отъ пыли листвы и, глядя на здѣшнія деревья, чувствуешь, что имъ чего-то недостаетъ до полноты жизни, какъ тѣмъ далекимъ ихъ собратьямъ, что выросли среди каменныхъ стѣнъ европейскихъ столицъ. Здѣсь дерево растетъ только потому, что по его корнямъ бѣжитъ вода въ искусственно прорытой канавѣ; но подъ его тѣнью, въ двухъ шагахъ отъ этой канавки, нѣтъ ни единой травки и желтая земля гола какъ въ пустынѣ. Оцѣнить богатство этого края можно, сдѣлавъ анализъ его почвы, подведя итогъ пудамъ хлопка, вывозимымъ каждую осень непрерывно идущими другъ за другомъ караванами; но для глаза путешественника тутъ нѣтъ ничего отраднаго, нѣтъ ничего, кромѣ лѣссовыхъ, щебневыхъ или песчаныхъ пустынь, отъ времени до времени прерываемыхъ на 10—20 верстъ оазисами, созданными трудолюбіемъ человѣка...

...А солнце тѣмъ временемъ безжалостно жгло; изъ-подъ ко-

пыль лошадей подымались облака пыли, мельчайшей, ѣдкой — настоящей туркестанской пыли, которая стояла въ воздухѣ, мѣшала дыханію и застилала природу сѣрой пеленой... Все это мало располагало къ разговорчивости, и послѣ оживленности утреннихъ сборовъ мои спутники ѣхали молча, жмурясь отъ пыли и яркаго солнечнаго свѣта, и думали каждый свою думу.

И я задумался; я думалъ о предстоящемъ пути: путь былъ дальній...

Впереди на горизонтѣ смутно рисовались очертанія горъ: это былъ Алайскій хребетъ, южная грань Ферганской долины. Переваливъ чрезъ него, намъ предстояло вступить по долинѣ Алая въ гористыя страны восточной Бухары — въ горныя бекства Каратегина и Дарваза и, прорѣзавъ въ ихъ предѣлахъ съ сѣвера на югъ снѣжную цѣпь Петра Великаго и скалистый Дарвазскій хребетъ, постепенно спуститься, идя на западъ чрезъ Балъджуанъ и Кулябъ, въ низменности средняго теченія Аму-Дарьи. До двухъ тысячъ верстъ надо было пройти верхомъ въ теченіе менѣе двухъ мѣсяцевъ...

Снѣжныя выюги на заоблачныхъ высотахъ едва проходимыхъ переваловъ, тропическіе жары степныхъ береговъ средняго Оксуса, карнизы въ двѣ ладони шириною, извивающіеся надъ бездонной пропастью, смертоносныя кулябскія лихорадки, гнѣздящіяся въ городахъ, окруженныхъ искусственными болотами рисовыхъ полей, — вотъ тѣ опасности, которыя, по слухамъ, на ряду съ другими лишеніями предстояло намъ испытать и извѣдать. Такъ, по крайней мѣрѣ, рассказывали мнѣ мои новые туркестанскіе знакомые, довѣрчиво относившіеся къ стоустой молвѣ и потому не жалѣвшіе яркихъ красокъ при описаніи трудностей ожидавшаго насъ пути. Я припоминалъ эти рассказы, и, признаюсь, мнѣ подъ часъ становилось жутко, особенно при мысли о головокруженіяхъ, которыя овладѣваютъ человѣкомъ на карнизѣ скалы и отъ которыхъ, какъ отъ морской болѣзни въ бурю, человѣка не можетъ избавить никакая сила воли. Упасть съ обрыва или со стыдомъ вернуться назадъ, опираясь на руку спутника, — вотъ между чѣмъ придется, думалъ я, выбирать тому изъ насъ, кто испытаетъ на себѣ притягательную силу пропасти...

Но тутъ же невольно рождалось сомнѣніе въ справедливости подобныхъ рассказовъ, не о безлюдныхъ пустыняхъ, а про края, хотя и дикіе на нашъ европейскій взглядъ, все же населенные въ продолженіе многихъ вѣковъ. Дѣйствительно ли нужно обладать исключительной силой воли и энергіей великихъ путешественниковъ, чтобы пройти эти мѣста, или для этого

достаточно той свойственной всѣмъ смертнымъ доли храбрости, которая оказывается же достаточною для безвѣстнаго жителя дарвазскаго кишлака, когда онъ пробирается изъ своей савли въ крохотному, ютящемуся подъ навѣсомъ скалы, клеверному полю; или когда онъ идетъ въ сосѣдній горный кишлакъ, чтобы повѣдать другу свое семейное горе или свою несложную радость? Вотъ вопросъ, который я задавалъ себѣ и на который собирался отвѣтить, когда, на основаніи собственного опыта, признаю возможнымъ относиться къ слухамъ, ходящимъ объ этихъ мѣстахъ, съ большей или меньшей довѣрчивостью.

Послѣ трехчасового пути, спустившись въ небольшой оврагъ, мы очутились на улицѣ расположеннаго по его склону кишлака Учъ-Кургана, лежащаго въ 32 верстахъ отъ новой столицы Ферганы; на днѣ оврага текла рѣка. Здѣсь прекращается колесный путь, и мы предполагали, распростившись надолго съ европейскими экипажами, сдѣлать короткій привалъ, чтобы наскоро пообѣдать и продолжать путь уже верхомъ. Но ни вещи наши, ни верховныя лошади не успѣли еще придти: мы ихъ оставили за собой, обогнавъ обозъ на полдорогѣ. „Ужъ какъ вы ни хлопотите,—говорили намъ въ Маргеланѣ бывалые люди,—какъ ни подготовляйтесь, а въ первый день у васъ непременно будетъ суета и беспорядокъ“. Предсказаніе ихъ сбылось. Наканунѣ было рѣшено отправить лошадей и арбы съ вещами рано утромъ, но къ утру оказалось, что не всѣ вещи своевременно уложены; арбы сильно запоздали выступленіемъ, и въ результатъ мы теперь сидѣли въ саду учъ-курганскаго аксакала (волостного), нетерпѣливо поджидая обозъ, и были принуждены вмѣсто обѣда ограничиться чаемъ, который былъ намъ приготовленъ хозяиномъ подъ сѣнью бухарской палатки. Последнее обстоятельство, кажется, особенно дурно повліяло на всеобщее настроеніе, такъ какъ до ночевки, назначенной на Исфайрамскомъ таможенномъ посту, оставалось еще цѣлыхъ 25 верстъ.

Наконецъ обозъ прибылъ. Я вышелъ на улицу. Тутъ происходила невообразимая суета: арбы, въючныя и верховныя лошади, извозничьи коляски—все это столпилось у спуска къ мосту чрезъ бѣжавшую по оврагу рѣку, мѣшая другъ другу двинуться впередъ; джигиты и арбакеши, толкаясь и бранясь между собою, суетились среди нихъ; кругомъ стояли жители кишлака, пришедшіе поглазѣть на рѣдкое зрѣлище (томаша), которое представлялъ для нихъ проѣздъ столькихъ русскихъ тюра (господъ). Какой-то сартъ, дотолѣ спокойно глядѣвшій вмѣстѣ съ другими, неожиданно вмѣшался въ споры погонщиковъ: онъ почему-то

нашелъ, что одинъ изъ арбакешей, ткнувшій подъ уздцы свою лошаденку, заставлялъ ее повернуть арбу не въ ту сторону, куда слѣдовало, и съ гнѣвнымъ лицомъ, съ сверкающими глазами, онъ налетѣлъ на него, бранясь и крича, какъ будто это было важное, близкое ему дѣло. Остальные жители не могли устоять передъ соблазномъ принять участіе въ спорахъ и увеличить безпорядокъ: поднялся гвалтъ, тотъ невѣроятный гвалтъ, на который способны одни только азіаты, съ ихъ крикливыми голосами, съ ихъ неудержимой потребностью отъ времени до времени, безъ всякой видимой причины, вознаградить себя шумомъ и гамомъ за свое обычное восточное спокойствіе. Надъ обрывомъ рѣки живописно стоялъ аскакаль, съ бѣлой чалмой на головѣ, одѣтый въ бѣлый, подхваченный зеленымъ поясомъ съ серебряными бляхами, халатъ; онъ, видимо, желалъ угодить начальству и распоряжался, усиленно размахивая руками и тщетно стараясь перекричать остальныхъ. Мало-по-малу безцѣльный шумъ унялся; тогда дѣло пошло усѣшнѣе, и арбы двинулись дальше.

Часъ спустя и мы сѣли въ сѣдло. Насъ было 12 человѣкъ: генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Баетъ, управляющій туркестанскимъ таможеннымъ округомъ Г. К. Кайзеръ, нѣсколько чиновниковъ его вѣдомства, производитель геодезическихъ работъ при ташкентской обсерваторіи подполковникъ З. и еще два офицера, добровольно присоединившіеся къ экспедиціи, одинъ—художникъ, другой—пишущій эти строки. Четырнадцать нижнихъ чиновъ оренбургскаго казачьяго войска составляли конвой экспедиціи, скорѣе для ея большей представительности и для услугъ ея участникамъ, тѣмъ ради охраны отъ несуществующихъ враговъ; нѣсколько человѣкъ конюховъ, джигитовъ и поваръ дополняли нашъ небольшой отрядъ. Черезъ три перехода насъ должны были нагнать еще докторъ, топографъ и генеральнаго штаба капитанъ Ф., имѣвшій обширную и интересную инструкцію для изученія посѣщаемыхъ экспедиціей странъ.

Завернувъ въ одинъ изъ переулковъ и выѣхавъ изъ кишлака, мы неожиданно очутились въ красивой долинѣ, окаймленной довольно высокими горами. Алайскій хребетъ въ маргеланскомъ уѣздѣ рѣзко подымается надъ плоскостью равнины, почти не отдѣляясь отъ нея предгорьями, которыя въ другихъ мѣстностяхъ Ферганы придаютъ его сѣверному склону столь разнообразныя очертанія. Это обстоятельство уменьшаетъ въ уѣздѣ площадь пригодной для культуры земли, такъ какъ на подобныя предгорья въ другихъ уѣздахъ изливается рѣдкій въ Ферганѣ дождь, рождаемый привосновеніемъ сухихъ сѣверныхъ вѣтровъ къ холоднымъ

вершинамъ хребта. На такихъ именно предгорьяхъ, на высотѣ 4—4½, тысячъ футъ, обыкновенно располагаются прекрасныя „богарныя“ поля, т.-е. поля, орошаемыя атмосферными осадками. Лишенное ихъ, населеніе маргеланскаго уѣзда вынуждено довольствоваться исключительно посѣвами на земляхъ искусственнаго орошенія, предѣлы которыхъ строго ограничены количествомъ воды, приносимой въ долину горными рѣчками. При чрезмѣрномъ увлеченіи хлопковыми плантациями, которое овладѣло за послѣдніе 2—3 года населеніемъ Ферганы, большая часть ирригаціонныхъ земель отведена подъ хлопокъ въ ущербъ хлѣбнымъ полямъ. Поэтому цѣны на пшеницу и ячмень поднялись до такой степени (пшеница 2 р. 20 в. за пудъ, ячмень 1 р. 60 в.), что хозяева, теряя при покупкѣ хлѣба всю прибыль, получаемую отъ продажи хлопка, начинаютъ повсемѣстно раскаиваться въ своемъ увлеченіи, а лишенному богарныхъ полей маргеланскому уѣзду нынѣшней зимою угрожалъ бы голодъ, еслибъ мѣстная администрація не пришла на помощь населенію.

Мы шли по Исфайрамскому ущелью, которое считается самымъ красивымъ изъ ущелій, прорѣзающихъ Алайскій хребетъ. Здѣсь, близъ Учъ-Кургана, оно представляетъ долину версты въ 2 ширины, окаймленную по сторонамъ цѣпью горъ, поднимающихся впереди все выше и выше. Рѣка Исфайрамъ, вытекающая на водораздѣлѣ Алайскаго хребта въ 70 верстахъ отъ его подножія, близъ перевала Тенгизъ-Бай, къ которому мы направлялись, извивается по долинѣ, скрытая отъ взора крутыми берегами промытой ею въ теченіе вѣковъ рѣчины. Кое-гдѣ въ долинѣ, у подножья горъ, подъ тѣнью рощицъ пирамидальныхъ тополей виднѣются группы низкихъ саклей киргизскихъ зимовокъ; кое-гдѣ одинокій красавецъ сада-карагачъ поднимаетъ свою густую, шаровидную шапку на вѣтвистомъ и прямомъ, какъ гранитная колонна, стволѣ; его темная зелень рѣзко выдѣляется, то на сѣромъ фонѣ голыхъ скалъ, то на фонѣ ярко-красной глины, мѣстами выступающей на склонахъ столь богатаго различными горными породами Алая.

Довольные, что избавились надолго отъ степной пыли, мы шли веселой рысью, прислушиваясь къ мѣрному шелканью копытъ о каменистую дорогу, и были рады, что наконецъ началось „настоящее“ путешествіе. Впереди насъ виднѣлся на днѣ долины укутанный зеленью кышлакъ, раскинувшій свои домики среди хлопковыхъ полей, изрѣзанныхъ линіями глиняныхъ заборовъ; густая тѣнь отъ осѣнявшей кышлакъ скалы ложилась на него, разстилалась по дну долины и всплывала на подножіе противоле-

жашихъ утесовъ. За нимъ два отрога скалы, отдѣляясь отъ боковыхъ стѣнъ долины, преграждали ее, спускаясь красивымъ изгибомъ къ ея срединѣ, и охватывали своей рамкой картину горной дали, утопавшей въ розовомъ туманѣ неизвѣстно откуда падавшихъ лучей закатившагося за гору солнца.

Но вотъ долина стала суживаться, горы мѣстами подступили вплотную къ рѣкѣ; по дорогѣ съ трудомъ можно двоимъ ѣхать рядомъ, и мы вытягиваемся по ней слѣдомъ одинъ за другимъ. Она—то поднимается по склону скалы на нѣсколько саженой надъ рѣкой, то спускается на дно ущелья; рѣка съ шумомъ бѣжитъ намъ на встрѣчу, взбивая о камни въ бѣлую пѣну свою прозрачную воду чудно-зеленаго цвѣта. Глазъ не можетъ достаточно любоваться на красоту давно невиданной, студеной струи; какъ-то не вѣрится, что этотъ полный кипучей жизни потокъ несетъ ту же самую воду, которая такъ лѣниво и такъ мутно текла раньше, когда мы глядѣли на нее среди степныхъ береговъ.

Мы обгоняемъ арбы; лошади, съ утра не кормленные и съ утра безъ отдыха, съ трудомъ взбираются на подъемы овраговъ; мальчуганы-сарты, сидящіе верхомъ, безжалостно цукаютъ и бьютъ лошадей, усиленно напирая босыми ногами на оглобли, чтобы дать арбѣ равновѣсіе при подъемѣ. Съ своей стороны джигиты торопятъ возницъ. Это постоянное повуканіе уставшихъ лошадей и людей начинается надобѣдать, назойливо раздражаетъ... А склоны горъ все круче; крупные камни, скатившіеся съ нихъ на дорогу, все чаще заграждаютъ путь арбамъ и наконецъ обозъ останавливается: широкій ходъ передней арбы уперся однимъ концомъ оси въ стѣну откоса, а другое колесо готово повиснуть надъ обрывомъ. Дальше идти невозможно, хотя до кордона Исфайрамскаго поста остается всего 4 версты. Надо снимать вещи съ арбъ и навьючивать ихъ; но вьючныя лошади ушли впередъ, быть можетъ отдыхаютъ уже на посту... Опять крики, опять брань на непонятномъ языкѣ, и опять одинъ изъ спутниковъ, который взялъ на себя неблагоприятную роль начальника обоза, тщетно прилагаетъ всевозможныя усилія, чтобы водворить порядокъ среди непонимающихъ его арбакешей... Я ѣду впередъ, чтобы вернуть свой маленькій караванъ вьючковъ.

Темнѣетъ. Горы, теряя очертанія, сливаются въ полумракѣ въ однообразную, безжизненную громаду; рѣзкимъ, какимъ-то злобѣющимъ чернымъ пятномъ выдѣляются рѣдкія деревья на ихъ тускломъ сѣромъ фонѣ; только изломанная причудливымъ узоромъ лнія вершинъ вырисовывается еще отчетливо своими зубцами на не совсѣмъ стемнѣвшемъ небѣ, и бѣлая въ сумракѣ лента

рѣки обаймляетъ ихъ подножье. Глазъ не различаетъ разстоянія: утесъ скалы, казавшійся далекимъ, вдругъ вырастаетъ вплотную передо мною; всадникъ, за которымъ я ѣхалъ слѣдомъ въ двухъ шагахъ, исчезаетъ послѣ какого-то поворота, точно поглощенный темнотою... Я ѣду одинъ, пристально глядя сквозь темноту, куда мнѣ направить лошадь. Все пріобрѣтаетъ причудливыя формы: вотъ близъ дороги лежитъ человѣкъ, разметавъ руки, и другіе столпились вокругъ него; я нагибаюсь къ нимъ съ сѣдла: это не люди, это куча придорожныхъ камней. Сама дорога вдругъ превращается въ рѣку; осторожно подвигаешься впередъ, ожидая, что съ слѣдующимъ шагомъ лошадь ступитъ въ воду; ѣдешь дальше — воды нѣтъ, но есть обрывъ; да, это несомнѣнно обрывъ; вотъ тутъ, совсѣмъ близко, рядомъ со мной... проходитъ мгновенье, и вдругъ понимаешь, что принимаешь за обрывъ ничтожную канаву... Скоро, однако, глазъ привыкаетъ къ темнотѣ; у человѣка, и у лошади появляется какой-то инстинктъ, и точно ощупью пробираешься въ потемкахъ, угадывая спуски въ овраги или изгибы дороги въ расширяющейся долині. Прошло около часу, а все еще нѣтъ ни Исфайрамскаго поста, ни другого человѣческаго жилища. Разъ только донесся до меня изъ глубины долины собачій лай въ отвѣтъ на мой окликъ.

Вотъ гдѣ-то налѣво мерцаетъ костеръ — должно быть это мѣсто ночевки; я хочу пробраться къ нему, но меня встрѣчаетъ шумъ воды, рѣка преграждаетъ мнѣ путь, и, ведя лошадь въ поводу вдоль берега, я тщетно ищу моста: всюду крутой обрывъ къ ревущему потоку. Иногда костеръ на томъ берегу ярко вспыхиваетъ и выдѣляетъ темные силуэты собравшихся передъ нимъ людей. Но звать ихъ не стоитъ: за ревомъ воды самъ не услышишь своего голоса; да и не къ чему звать, ибо моимъ спутникамъ неачѣмъ быть на томъ берегу. Я возвращаюсь на дорогу, чтобы ждать, не нагонитъ ли меня кто-нибудь изъ нихъ; по мѣрѣ удаленія отъ берега съ каждымъ шагомъ ревъ потока слабѣетъ, переходитъ въ глухой гулъ, и скоро вокругъ воцаряется тишина, — та торжественная тишина, которая вмѣстѣ съ ощущеніемъ одиночества и своего ничтожества передъ громадой мірозданія охватываетъ человѣка, затеряннаго среди величія природы, раскинувшей надъ его головой темный сводъ ночного неба. Ни единого звука; только кузнечики, поющіе свою стрекотливую пѣсню, ту же, что они поютъ въ нашихъ родныхъ черноземныхъ степяхъ, наполняютъ тонкимъ звономъ молчаливую ночь; звонъ ихъ не нарушаетъ покоя, а какъ бы сливается съ ночной тишиной... И, прислушиваясь къ этой тишинѣ, утомленный бессонною ночью и

долгимъ дневнымъ путемъ, я задремалъ, облокотясь о холку уставшей лошади.

Прошло около получаса. Вдали послышался топотъ; двѣ фигуры всадниковъ въ азіатскихъ одеждахъ выплыли изъ мрака въ нѣсколькихъ шагахъ предо мной. „Гдѣ дорога на постъ?“ кричу я, но фигуры проѣзжаютъ мимо безмолвно, безъ малѣйшаго вниманія къ моему оклику. „Стой, гдѣ урусъ-хане, — урусъ солдатъ? гдѣ заветъ-хане?“ — продолжаю я кричать, думая заслужить ихъ вниманіе звуками сартовскаго языка. Но, должно быть, въ моемъ голосѣ много злобнаго нетерпѣнія: топотъ коней участился, и черезъ минуту фигуры всадниковъ потонули въ темнотѣ. И долго еще я ждалъ, покуда одинъ изъ товарищей по путешествію не подѣхалъ ко мнѣ вмѣстѣ съ проводникомъ, который скоро привелъ насъ къ весело свѣтившемуся своими окнами домику Исфайрамскаго поста, или Аустана, какъ это мѣсто значитъ на картѣ. Здѣсь мы застали опередившихъ насъ спутниковъ уже сидящими вокругъ стола, на которомъ кипѣлъ самоваръ и лежали внушительнаго размѣра хлѣбы, привезенные изъ Маргелана; остальной провизіи, видимо, не суждено было нагнать насъ въ этотъ день, и, утоливъ, насколько было возможно, нашъ голодъ, мы расположились на полу и заснули какъ убитые.

II.

Оставимъ нашъ отрядъ спокойно отдыхать подъ гостепріимнымъ кровомъ Исфайрамскаго поста и скажемъ нѣсколько словъ о туркестанскомъ таможенномъ округѣ, съ реформой котораго связана главная цѣль нашей экспедиціи.

При учрежденіи таможеннаго надзора (въ 1887 г.) распоряженія правительства были выполнены на мѣстѣ трудами и энергіей нынѣшняго начальника округа — Г. К. Кайзера, извѣдывшаго для этой цѣли не одну тысячу верстъ среди степей и горъ пограничной полосы. Вынесенное изъ столицы или городовъ центральной Россіи представленіе о дѣятельности чиновника мало вяжется съ характеромъ службы на нашихъ окраинахъ. Если вы встрѣтитесь въ Туркестанѣ съ чиновникомъ, проведеннымъ нѣсколько лѣтъ въ Средней Азіи, — можете быть почти увѣрены, что въ его лицѣ имѣете дѣло съ путешественникомъ, могущимъ вамъ разсказать много занимательнаго о странахъ, имена которыхъ вамъ едва извѣстны. Порученія, ради которыхъ дѣлаются подобныя пу-

тешествія, полны жизненнаго, а не только канцелярскаго интереса и отличаются самымъ разнообразнымъ характеромъ.

Округъ имѣетъ назначеніемъ охранять въ таможенномъ отношеніи ввозъ товаровъ въ предѣлы края изъ Индіи и Афганистана чрезъ Бухару и изъ Китая чрезъ нашу восточную границу. Съ переходомъ таможеннаго дѣла изъ рукъ обще-административнаго управленія въ специальное вѣденіе округа, доходы по сбору пошлинъ возросли почти въ шесть разъ; въ настоящее время, при общемъ расходѣ приблизительно въ 100 тысячъ рублей съ небольшимъ, пошлинъ съ привозныхъ товаровъ очищается на 660 т. р. Въ этомъ отношеніи не всѣ, однако, районы округа находятся въ одинаково благопріятныхъ условіяхъ. Изъ четырехъ отдѣловъ и двухъ участковъ, на которое подраздѣляется округъ, серьезное фискальное значеніе имѣетъ лишь самаркандскій отдѣлъ: въ немъ сосредоточивается вниманіе пошлины съ бомбейскаго чая и съ другихъ товаровъ, переходящихъ сѣверную бухарскую границу на вьюкахъ или пересѣкающихъ ее по линіи закаспійской желѣзной дороги, и его болѣе чѣмъ полумилліонный доходъ составляетъ почти весь доходъ округа. На долю катта-курганскаго отдѣла ¹⁾ приходится всего 20 т. р.; такое же второстепенное значеніе въ смыслѣ доходности имѣетъ отдѣлъ аму-дарьинскій, расположенный на нижнемъ теченіи этой рѣки (между территоріями Бухары и Хивы), онъ представляетъ преграду для провоза товаровъ изъ средне-азіатскихъ ханствъ во внутреннюю Россію по направленію къ Оренбургу и въ Туркестанъ чрезъ Кизилъ-Кумскіе пески. Линія ферганскаго отдѣла и два участка пограничныя Китаю имѣютъ лишь „боевое“ (какъ выражаются люди близкіе таможенному дѣлу) значеніе и далеко не всегда покрываютъ расходы, вызываемые ихъ содержаніемъ ²⁾.

¹⁾ Катта-Курганъ—уѣздный городъ Самаркандской области.

²⁾ Вотъ нѣкоторыя, болѣе точныя данныя, относящіяся къ 1892 г. и заимствованныя изъ издаваемаго при деп. тамож. сборовъ „Обзора внѣшней торговли“.

	Расходъ по содержанію администр.	Вывозъ.	Привозъ.	Доходъ пошлинъ и др. сборн.
Аму-дарьинск. отд. . . .	3.642 р.	278.751 р.	42.083 р.	14.764 р.
Катта-курган. отд. . . .	6.937 „ 60 к.	574.946 „	52.564 „	20.837 „
Самаркандскій отд. . . .	7.369 „ 40 „	1.156.867 „	1.496.987 „	578.997 „
Ферганскій отд.	6.429 „ 80 „	613.772 „	297.489 „	3.802 „
Иссыкъ-кульск. отд. . . .	4.122 „ 40 „	226.952 „	140.804 „	421 „
Нарынск. участковъ. . . .	4.086 „ 40 „	96.853 „	609.167 „	128 „

Итого. . . 50.678 р. 60 к. 2.987.641 р. 2.639.094 р. 618.949 р.
Оборотъ товаровъ по торговлѣ съ средне-азіатскими ханствами и съ Китаемъ

Главную часть доходовъ округа доставляетъ очищеніе пошлинъ съ товаровъ, идущихъ изъ средне-азиатскихъ ханствъ. Въ этой категоріи товаровъ единственную крупную статью представляетъ чай, идущій изъ Индіи въ количествѣ почти 40 т. пудовъ въ годъ (на сумму около $1\frac{1}{2}$ м. р.); главнымъ образомъ ввозится любимый мѣстнымъ населеніемъ зеленый чай (кофе-чай). Онъ даетъ свыше полумилліона пошлиннаго сбора ¹⁾. Рядомъ съ этимъ доходомъ сборъ съ остальныхъ товаровъ играетъ самую незначительную роль. Такъ ввозъ красильныхъ веществъ (индиго) далъ въ 1892 г. до 22.000 р.; драгоценныхъ камней въ томъ же году привезено на 2.000 рубл. и сборъ съ нихъ равнялся 800 р. Можно еще упомянуть о ввозѣ индійскихъ бумажныхъ тканей, въ особенности бѣлой и цвѣтной кисеи, очень распространенной и въ Бухарѣ, и среди мусульманскаго населенія нашей территоріи, такъ какъ эта кисея идетъ на чалмы, неизбѣжный почти предметъ туземнаго одѣянія.

Важнѣйшіе предметы ввоза черезъ китайскую границу, расположенные по степени ихъ цѣнности, представляются въ слѣд. видѣ: хлопчато-бумажныя издѣлія (на сумму около 714.000 р.), шерсть (около $62\frac{1}{2}$ т.), шоль сырецъ (38 т.), шерстяные ковры ($44\frac{1}{2}$ т.), и ткани ($23\frac{1}{2}$ т.) звѣриныя шкуры ($26\frac{1}{2}$ т.), мягкая рухлядь ($20\frac{1}{2}$ т. р.) и чай (7 т.). Въ общей сложности получается почтенная цифра въ 1.045.556 р.; но такъ какъ цѣнность чая входитъ въ это число на сумму всего только 7.111 руб., то пошлинный доходъ съ этихъ товаровъ крайне невеликъ и составляетъ самую ничтожную часть всѣхъ доходовъ округа ²⁾.

Собственно-бухарскія произведенія избавлены отъ пошлиннаго обложенія.

Въ каждомъ отдѣлѣ надзоръ составляется изъ управляющаго, его помощниковъ и надзирателей отдѣльныхъ переходныхъ пунк-

распредѣляется слѣд. образомъ: въ ханства вывезено на сумму 2.101.284 р., въ Китай—886.407 р.; привозъ изъ ханствъ равнялся 1.593.588 р., изъ Китая—1.045.556 р.

Къ расходамъ по администраціи надо прибавить 18.091 р. на содержаніе управленія округа (въ Ташкентѣ); если присоединить еще 63.812 р., которыми покрываются другіе расходы (главн. обр. по найму джигитовъ), то вся сумма расходовъ по округу составитъ 114.490 руб.

¹⁾ Въ болѣе точныхъ цифрахъ свѣденія о привозѣ чая въ округъ выразятся въ слѣдующемъ видѣ: досмотрово (въ 92 г.) 89.692 пуда, изъ нихъ зеленого чая 37.250 п., черного 2.228 п., кирпичнаго 214,—всего на сумму 1.479.820 р.; таможенныхъ сборовъ поступило всего 583.908 р. (въ томъ числѣ 1.977 р. съ чая, привезеннаго чрезъ китайскую границу въ количествѣ 298 пуд.).

²⁾ Въ 1892 г. онъ равнялся 3.327 р. противъ 609,688 р. дохода, доставленнаго пошлинными товарами изъ средне-азиатскихъ ханствъ.

товъ. Эти пункты разбросаны по пограничной линіи, въ двѣ тысячи верстъ длиной, на далекое другъ отъ друга разстояніе, — такъ что иногда приходится по одному кордону на пограничный уѣздъ, — и представляютъ изъ себя простыя сакли или же небольшіе дома, въ родѣ того, въ которомъ мы расположились нашимъ первымъ ночлегомъ на Исфайрамѣ. Въ такомъ домѣ помѣщается надзиратель и отводится комната для объѣзчика изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ. Другія строенія предназначаются подъ службы и для джигитовъ, т.-е. стражниковъ таможенной охраны. Пункты располагаются на главныхъ путяхъ, въ нихъ ведется отчетность проходящимъ товарамъ, и отсюда джигиты отправляются въ разѣзды за десятки верстъ кругомъ, по пустыннымъ равнинамъ и по горнымъ ущельямъ. Они и особенно объѣзчики, которымъ общана четвертая часть стоимости конфискуемыхъ товаровъ, съ большимъ рвеніемъ разыскиваютъ слѣды контрабандистовъ, гоняются за ними цѣлыми часами по раздолью степей, карабкаются на кручи по извѣстнымъ только имъ тропинкамъ, переправляются вплавь чрезъ горные потоки.

„Вотъ здѣсь я намеренъ тонуль, — рассказывать мнѣ одинъ словоохотливый объѣзчикъ, отставной фельдфебель, съ которымъ мы шли вдоль Исфайрама. — Послали меня поглядѣть, что это за киргизы стали съ вибитками тамъ въ долинкѣ; хотѣлъ доѣхать покороче, черезъ рѣку, меня теченіемъ и понесло вмѣстѣ съ лошадыю; сажень 30 тащило, — совсѣмъ помирать собрался, да какъ-то выбрался на берегъ, смотрю — и лошадь тоже вытѣзаетъ... Только напрасно искупался: ничего товаровъ у этихъ киргизовъ не было съ собой, такъ пришли — скотину кормить“...

Джигиты устрояютъ засады, проводятъ ночи въ снѣжныхъ сугробахъ на горныхъ перевалахъ, кутаясь въ свои зипуны, а въ полудню неожиданно появляются въ равнинѣ, въ кишлакѣ, куда по ихъ свѣдѣніямъ долженъ прибыть на базаръ караванъ съ незаконно провезенными товарами, и нерѣдко вступаютъ въ ожесточенную рукопашную схватку съ контрабандистами.

Эта тяжелая служба таможенного джигита какъ нельзя болѣе могла бы способствовать выработкѣ боевыхъ качествъ въ ихъ средѣ и подготовкѣ изъ ихъ числа, на случай надобности, лихихъ развѣдчиковъ и проводниковъ. Къ сожалѣнію, соображенія экономическаго характера и отдаленность пунктовъ, вѣроятно, надолго отложатъ возможность создать въ этой прекрасной школѣ пограничное войско, подобное пограничной стражѣ на нашей западной окраинѣ. Джигитъ получаетъ всего 15 р. въ мѣсяцъ и обязанъ на эти деньги содержать себя и свою лошадь, долженъ

имѣть зимній и лѣтній бешметъ; отъ казны онъ получаетъ шапку и револьверъ системы Гальяна. При такомъ скудномъ содержаніи весьма трудно найти запасныхъ нижнихъ чиновъ, желающихъ поступить въ джигиты, почему эти должности замѣщаются по большей части изъ мѣстныхъ же сартовъ, во многихъ отношеніяхъ представляющихъ не совсѣмъ подходящій для такой службы элементъ. По своимъ понятіямъ и интересамъ они, конечно, ближе къ туземному населенію, чѣмъ къ интересамъ русской власти, которой служатъ. Имѣя родственниковъ среди жителей сосѣднихъ вишлаковъ, имѣя личные съ ними счеты и личные отношенія къ обитательницамъ вишлака (послѣднее совсѣмъ недоступно джигитамъ-немусульманамъ), они естественно имѣютъ большее побужденіе къ столь соблазнительнымъ въ таможенномъ дѣлѣ злоупотребленіямъ въ ту или иную сторону. Рассказываютъ, будто бывали случаи, что контрабандисты поступали въ джигиты съ цѣлью, изучивъ основательно въ теченіе года приемы таможенного охраненія, тѣмъ съ большей выгодой заняться впослѣдствіи своимъ обычнымъ ремесломъ. При такихъ условіяхъ, несмотря на всѣ усилія начальства, несмотря на введенные въ округъ приемы воинскаго чинопочитанія (въ родѣ отданія чести, рапортовъ и т. п.), дисциплина должна получиться довольно относительная, встрѣчая главное препятствіе въ дикости понятій той среды, въ которой ее хотятъ привить.

Я потому такъ долго останавливаюсь на положеніи джигитовъ, что вопросъ о привлеченіи на ихъ мѣста (при помощи увеличенія жалованья) отставныхъ нижнихъ чиновъ является весьма важнымъ въ виду предстоящаго перенесенія таможенной черты на южную бухарскую границу. Въ другой разъ, при описаніи нашего дальнѣйшаго пути, мы въ подробности ознакомимся съ характеромъ странъ по р. Пянджу и по среднему теченію Аму-Дарьи и увидимъ, при какихъ тяжелыхъ условіяхъ, въ какой полудикой обстановкѣ придется всѣмъ чинамъ нести службу на будущей таможенной линіи. Что же касается джигитовъ, то имъ въ борьбѣ съ контрабанднымъ провозомъ товаровъ изъ Афганистана, вѣроятно, нерѣдко придется вступать въ стычки съ болѣе многочисленнымъ противникомъ, такъ какъ афганцы, переправляя черезъ Аму-Дарью свои товары въ большихъ помѣстительныхъ лодкахъ (каюкахъ), имѣютъ возможность высадиться въ любомъ мѣстѣ бухарскаго берега въ числѣ 15—20 человекъ изъ каждой лодки ¹⁾. Если принять во вниманіе, что афганцы эти могутъ

¹⁾ Отъ Керки до впаденія Вахша Аму-Дарья доступна для переправы на протяжении 300 верстъ съ лишнимъ; здѣсь находятся 6 главныхъ переправъ: Керки

быть вооружены прекраснымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ англійскаго изготавленія и что, съ другой стороны, по нашимъ таможеннымъ правиламъ джигиту разрѣшается прибѣгать къ оружію только въ отвѣтъ на вооруженное же сопротивленіе, то станетъ ясно, что нашимъ джигитамъ потребуется недюжинная смѣлость и сильное чувство дисциплины, чтобы всегда выйти съ честью изъ подобныхъ стычекъ.

Въ Азіи все имѣетъ свой масштабъ, вовсе не подходящій къ нашему европейскому: крупнѣйшія ошибки внутренней политики могутъ остаться совершенно незамѣченными мѣстнымъ населеніемъ, но неудача хотя бы горсти русскихъ солдатъ оставляетъ глубокой слѣдъ въ воображеніи азіата, вселяя наивное сомнѣніе въ могущество всего государства. Никто не поручится въ томъ, что если нѣсколько человѣкъ джигитовъ разбѣгутся при встрѣчѣ съ многочисленной ватагой контрабандистовъ, среди афганцевъ не зародится слухъ о бѣгствѣ настоящихъ русскихъ солдатъ, а не сартовъ, переодѣтыхъ въ бешметъ джигита съ зелеными погонями. Чѣмъ дальше отъ мѣста происшествія будетъ разноситься молва, тѣмъ болѣе грандіозные размѣры приметъ событіе: въ Кабулѣ уже заговорятъ о пораженіи тысячнаго отряда русскихъ войскъ, а изъ Индіи на встрѣчу этой молвы услужливый англійскій телеграфъ не замедлитъ принести извѣстія, подтверждающія ея справедливость.

Не легка также будетъ служба чиновниковъ на новой линіи. Заброшенный судьбой въ какой-нибудь отдаленный городъ восточныхъ и южныхъ бекствъ ханства въ родѣ Рохара, Кала-и-Хума или Куляба, надзиратель таможеннаго поста не найдетъ тамъ, кромѣ нѣсколькихъ своихъ подчиненныхъ, ни одного человѣка, съ которымъ могъ бы поговорить на родномъ языкѣ. Вѣрнѣе всего, что онъ почти совершенно будетъ лишенъ возможности говорить, такъ какъ трудно предполагать въ каждомъ чиновникѣ знатока мѣстнаго нарѣчія. Сношенія съ родными, оставленными на далекой отчизнѣ, также не могутъ быть особенно оживленны: извѣстія изъ Европейской Россіи онъ будетъ получать не рѣже, какъ чрезъ мѣсяцъ. Даже изъ Туркестанскаго края письма, предполагая устройство правильной ихъ доставки, будутъ идти до него, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, недѣли двѣ, такъ какъ названные города удалены отъ столицы Бухары на 10—14 дней верхового пути. Такой чиновникъ, лишенный обще-

Акъ-Кумъ, Келифъ, Чумка-Гузаръ, Паттакисаръ, Айваджъ. Выше впаденія Вахна удобная переправа имѣется только у Сарая.

ства не только образованныхъ, но даже просто грамотныхъ людей, лишенный возможности окружить себя обстановкой, напоминающей хотя бы самый скромный европейскій комфортъ, будетъ въ правѣ безъ особеннаго преувеличенія сравнивать свою службу съ ссылкой. Нельзя не выразить надежды, что на эту сторону дѣла будетъ обращено должное вниманіе и что вновь создаваемымъ должностямъ будутъ присвоены нѣкоторыя преимущества, не только въ формѣ увеличеннаго содержанія ¹⁾, но и въ видѣ нѣкоторыхъ другихъ отступленій отъ общихъ правилъ о прохожденіи службы. Такъ, напримѣръ, обычный 28-ми-дневный отпускъ для надзирателя поста въ городѣ Кала-и-Хумѣ на дѣлѣ свелся бы къ нулю, такъ какъ это время оказалось бы достаточнымъ лишь на то, чтобы добраться до русской границы, окинуть грустнымъ окомъ отечественную землю и вернуться обратно на мѣсто своего служенія. Включеніе въ штатъ служащихъ на линіи должности врача является также условіемъ первостепенной важности для всѣхъ чиновъ; вмѣстѣ съ тѣмъ присутствіе медицинской помощи можетъ, благодаря уваженію, которымъ пользуется врачебное искусство на востокѣ, оказать большую услугу русскому дѣлу, давая намъ новый шансъ привлечь къ себѣ расположеніе туземцевъ. А шансы эти въ данномъ случаѣ, т.-е. въ таможенномъ дѣлѣ, очень невелики, и въ этомъ одно изъ главныхъ затрудненій, съ которыми придется считаться новой линіи.

Не подлежить, кажется, сомнѣнію, что отношеніе всѣхъ слоевъ туземнаго населенія къ проектируемой мѣрѣ будетъ въ равной степени враждебно, такъ какъ каждый изъ нихъ будетъ ею затронутъ въ своихъ самыхъ существенныхъ интересахъ. Мнѣ думается, что нельзя найти болѣе полного и въ то же время болѣе благодѣтельнаго господства въ чужомъ государствѣ, чѣмъ наше въ бухарскомъ ханствѣ; но какъ бы высокъ ни былъ авторитетъ императорскаго политическаго агентства въ Бухарѣ, какъ бы строги ни были повелѣнія, данныя эмиромъ своей администраціи объ оказаніи всякой поддержки нашимъ таможеннымъ чинамъ, результатъ этихъ повелѣній можетъ воснудиться только внѣшней, официальной стороны дѣла. Беки будутъ устраивать торжественныя встрѣчи, выставлять почетные караулы и готовить достарханы (угощенье); отвѣщая кулдуеъ, будутъ каждый разговоръ начинать и заканчивать неизмѣннымъ увѣреніемъ, что они наши слуги и что, исполняя повелѣніе эмира, сдѣлаютъ все отъ нихъ зависящее, чтобы угодить нашимъ интересамъ. Но суть

¹⁾ Надзиратель переходнаго пункта получаетъ отъ 400 до 600 руб.

дѣла отъ этого мало выиграетъ. Бекъ не можетъ предупредить ожесточенія народа противъ какого-нибудь джигита, вызванное таможенными стѣсненіями, ибо въ данномъ случаѣ неудовольствіе населенія будетъ относиться къ числу тѣхъ, которыя вызываются нарушеніемъ существенныхъ, жизненныхъ его интересовъ; подобное неудовольствіе можно предупредить, уничтоживъ причины, его обуславливающія, но запретить проявленіе его при наличности этихъ причинъ—задача, выходящая за предѣлы могущества какой бы то ни было государственной власти. Беки и другіе мѣстные чины будутъ видѣть въ русскихъ чиновникахъ своихъ личныхъ враговъ; ибо чѣмъ инымъ, какъ не врагомъ, можетъ быть въ ихъ глазахъ лишній свидѣтель ихъ противозаконныхъ поборовъ и притѣсненій простого народа, могущій безъ всякаго опасенія за себя вступить за обижаемыхъ передъ эмиромъ чрезъ посредство русскаго агентства въ Бухарѣ? Муллы—единственный принципиально-враждебный намъ классъ бухарскаго народа—будутъ весьма рады воспользоваться неудовольствіемъ, вызваннымъ той или другой мѣрой русскаго чиновника. Съ своей стороны простонародье будетъ относиться враждебно къ таможенному дѣлу вслѣдствіе значительнаго повышенія цѣнъ на предметы первой необходимости. Благосостояніе бухарскаго населенія стоитъ на такомъ низкомъ уровнѣ, потребности огромнаго его большинства столь незначительны, что пошлинному обложенію могутъ подлежать почти только подобные предметы. Независимо отъ этого, всѣ формальности нашей таможенной системы по домоту, очистѣ пошлиной, выпуску товаровъ и пр. вовсе не отвѣчаютъ привычкамъ туземцевъ, ни степени ихъ развитія. Въ средне-азіатскихъ ханствахъ существуетъ совершенно своеобразный способъ взиманія пошлины, установленной кораномъ и называемой „закетъ“: она оплачивается не на границѣ, а на мѣстѣ распродажи товара и ограничивается $2\frac{1}{2}\%$ его стоимости; подъ опасеніемъ отвѣтственности на томъ свѣтѣ, бухарецъ аккуратно уплачиваетъ эту незначительную часть, но можно представить себѣ его неудовольствіе при взысканіи нашихъ, чуть ли не стопроцентныхъ пошлинъ. Европейская таможенная система, не измѣненная примѣнительно къ туземнымъ обычаямъ, была бы обременительна для населенія уже по тѣмъ многочисленнымъ, чисто внѣшнимъ стѣсненіямъ, съ которыми она сопряжена и къ которымъ даже европейская публика не приучила себя относиться хладнокровно; было бы странно ожидать болѣе благосклоннаго отношенія къ нимъ со стороны населенія, среди котораго мѣстами еще процвѣтаетъ мѣновая торговля.

Таковы въ общихъ чертахъ тѣ немаловажныя затрудненія, которыя встрѣтитъ дѣятельность таможенныхъ учреждений на новой линіи. Но сама мѣра имѣетъ настолько важное, не исчерпывающееся интересами одного вѣдомства, значеніе, что, вѣроятно, правительство съумѣетъ изыскать способы такъ или иначе побороть эти затрудненія. Впослѣдствіи, когда мы познакоимся съ торговлей Бухары и съ ея торговыми путями, мы будемъ имѣть возможность дольше остановиться на различныхъ подробностяхъ проектируемой мѣры. Что касается собственно финансовой стороны вопроса, то она почти всецѣло зависитъ отъ количества привоза товаровъ, потребляемыхъ въ самомъ ханствѣ, такъ какъ товары, проходящіе бухарскую территорію транзитомъ (кромя идущихъ въ Хиву), и теперь уже подлежатъ таможенному обложенію. Какихъ-либо опредѣленныхъ данныхъ о размѣрахъ этого привоза не существуетъ. Экспедиціи не удалось ихъ добыть, и вопросъ можетъ выясниться только по занятіи берега Аму-Дарьи нашими постами, когда будутъ вестись точныя статистическія свѣденія, которыхъ бухарскіе сборщики пошлинъ не имѣютъ. Пока приходится довольствоваться официальными свѣденіями, полученными въ политическомъ агентствѣ отъ бухарскихъ властей; свѣденія эти крайне неопредѣленны ¹⁾ и построенные на нихъ выводы невольно должны носить на себѣ характеръ гадательныхъ предположеній. Полагаютъ, что новая таможенная линія могла бы дать казнѣ лишній миллионъ; часть его, однако, имѣется въ виду оставить, если вѣрить слухамъ, въ распоряженіе эмира для ирригаціонныхъ работъ и иныхъ общепользныхъ предпріятій въ ханствѣ.

Первую по доходности статью обложенія займетъ, конечно, чай, потребляемый каждымъ бухарцемъ, даже бѣднякомъ, въ значительномъ количествѣ. Всякій, путешествовавшій по Бухарѣ, испыталъ на себѣ, какое благотворное вліяніе имѣетъ этотъ напитокъ въ странѣ, гдѣ, за исключеніемъ гористыхъ мѣстностей, нѣтъ проточной воды и гдѣ, за неимѣніемъ чая, пришлось бы довольствоваться мутной арычной водой, нѣсколькихъ глотковъ которой подчасъ достаточно, чтобы получить злѣйшую лихорадку. Мнѣ рассказывали, будто эмиръ, во время своего пребыванія въ Петербургѣ, обратилъ вниманіе нашего правительства на такое важное значеніе чая въ его странѣ и выразилъ желаніе, чтобы цѣнность чая не была чрезмѣрно повышаема (пошлиной, такъ

¹⁾ Насколько шатки показанія бухарской торговой статистики, можно видѣть, напримеръ, изъ того, что значеніе встрѣчающейся въ ея показаніяхъ мѣры „тай“ колеблется между 8 и 8 пудами.

какъ это могло бы невыгодно отразиться на здоровьѣ вѣреннаго его попеченіямъ народа. Если, кромѣ чая, мы назовемъ еще индиго, индійскія матеріи (главнымъ образомъ кисею для чалмъ) и разныя наркотическія вещества, въ родѣ опиума и анаши, то мы перечислимъ всѣ главнѣйшія статьи ввоза чрезъ афганскую границу, такъ какъ остальные несложныя потребности бухарскаго народа удовлетворятся либо мѣстными произведеніями, либо товарами, приходящими по забаспійской жел. дор., большей частью изъ Россіи ¹⁾.

Будущее покажетъ, насколько справедливы надежды на доходность новой таможенной линіи, а пока вернемся на старую линію, на Исфайрамскій переходный пунктъ, гдѣ мои спутники уже проснулись, и гдѣ уже началась та шумная и веселая суета, которой неизмѣнно сопровождалось утреннее выступленіе нашего отряда.

III.

Часа два длились сборы; люди еще не приноровились быстро вьючить. Въ 9 часовъ мы выступили.

Было чудное, радостное утро. Такъ же, какъ вчера, насъ сопровождалъ неумолкающій шумъ Исфайрама; картины были тѣ же, только скалы росли все выше, и скоро мы увидѣли впереди первыя снѣжныя вершины. Дорога была въ отличномъ состояніи, карнизы нигдѣ не были менѣе аршина шириной, и мы безпрепятственно подвигались впередъ.

Въ нашемъ отрядѣ было до 50 лошадей разнообразныхъ мѣстныхъ породъ, купленныхъ большей частью въ Новомъ-Маргеланѣ.

Въ Туркестанѣ что ни мѣстность, то свой сортъ лошадей; чуть ли не каждый кишлакъ славится своей породой. Я близко приглядѣлся, за время путешествія, къ сотнямъ лошадей, наслушался много разговоровъ на эту тему, и вынесенное мною представленіе о туземныхъ лошадяхъ, къ сожалѣнію, мало соответствовало тому понятію, которое я имѣлъ о нихъ до пріѣзда въ край.

¹⁾ На основаніи мѣстныхъ свѣдѣній о бухарско-афганской торговлѣ за 1892 г., количество ввоза можетъ быть выражено въ слѣдующихъ приблизительныхъ цифрахъ. Ввезено въ Бухару англо-индійскихъ товаровъ на сумму ок. 910.000 руб., въ томъ числѣ: чаю на 615 т. р., индиго на 204 т. р., кисеи англійской на 76 т. р. и англійскаго коленкору на 14 т. р.; афганскихъ товаровъ (шкуры, мерлушки, краски, опиумъ, киниминъ, фисташки, шерсть, хлопковъ и т. п.) всего на 960 т. р.

Изъ многочисленныхъ такъ называемыхъ *породъ* (бухарскихъ, самаркандскихъ, башкирскихъ, текинскихъ, киргизскихъ и проч., и проч.) названіе *породы* по справедливости можетъ быть прилагасмо только въ лошадямъ ахаль-текинскаго оазиса и въ карабаирамъ (въ долину Зеравшана), такъ какъ только эти двѣ породы передаютъ новолѣніямъ ясно выраженные особенности склада и свои типичныя качества. Пожалуй, еще разновидности киргизскихъ степныхъ и горныхъ лошадей можно объединить въ одномъ понятіи киргизской породы, такъ какъ въ всегда легко отличите низкорослаго, приземистаго, крайне уродливаго и необычайно крѣпкаго киргиза среди сотни другихъ лошадей. Племена текинцевъ, до послѣдняго времени сохранившія свою независимость, дольше другихъ жили жизнью средне-азиатскихъ хищниковъ, и мнѣ думается, что въ этомъ главная причина устойчивости породы лошадей въ ихъ оазисѣ: постоянные аламанъ (набѣги) на персовъ и другихъ сосѣдей заставляли текинца дорожить конемъ, дорожить качествами своего боевого товарища, быстрота ногъ котораго могла ему доставить лишняго плѣнника и спасала отъ погони враговъ. Этого побужденія было достаточно, чтобы заставить текинцевъ выработать приемы соотвѣтствующаго подбора производителей и правильнаго воспитанія молодяка. Тѣ же причины существовали до умиротворенія края съ приходомъ русскихъ и въ остальныхъ мѣстностяхъ Средней Азии. Съ другой стороны, эмиры, ханы и разные полунезависимые беки и „ша“ видѣли въ богатомъ составѣ конюшни одинъ изъ главныхъ предметовъ придворной роскоши; такіа конюшни, доходившія до нѣсколькихъ тысячъ головъ, естественно подымали цѣнность хорошихъ лошадей и тѣмъ побуждали населеніе къ веденію правильнаго коневодства. Туркестанцы говорятъ, что вырожденіе породъ идетъ настолько быстро, что его можно услѣдить въ десятилѣтній періодъ. Дѣйствительно, въполнѣ хорошіа лошади становятся такъ рѣдки, что онѣ извѣстны наперечетъ не только въ томъ или другомъ городѣ, но и во всемъ краѣ, и счастливый обладатель такой лошади очень неохотно соглашается продать ее даже за высокую цѣну, разъ въ десять превышающую среднюю стоимость порядочнаго коня.

Съ водвореніемъ русскихъ прекратились постоянныя войны между сосѣдями, исчезли съ лица земли не только ханскія конюшни, но и сами ханы; новыхъ же условій для поддержанія коневодства мы создать повкуда не сумѣли: мѣстная администрація не пошла дальше устройства скачекъ въ Самаркандѣ и Ташкентѣ; государственное конноводство сдѣлало въ этомъ отно-

шеніи еще меньше: по крайней мѣрѣ, мнѣ никто не могъ сказать, было ли когда-нибудь командировано сюда лицо отъ этого вѣдомства, хотя бы съ цѣлью предварительнаго изслѣдованія туземнаго коневодства. Ни одного случнаго пункта, ни одного разсадника породистыхъ жеребцовъ въ краѣ не существуетъ. Между тѣмъ качества здѣшнихъ лошадей таковы, что ихъ, казалось бы, слѣдовало поддерживать въ интересахъ не одного туркестанскаго коневодства.

Кому приходилось совершать продолжительное путешествіе въ краѣ, тотъ не могъ не оцѣнить незамѣнимаго при походномъ движеніи качества здѣшнихъ лошадей: своеобразнаго видоизмѣненія аллюровъ шага и рыси на „ходу“ и „тропату“. Эти аллюры нельзя считать прирожденными особенностями мѣстныхъ породъ, но способность къ ихъ развитію, несомнѣнно, имъ врождена, вслѣдствіе искусственной выработки ихъ у предковъ, въ ряду многихъ поколѣній. Длинные, обусловленные малонаселенностью страны, переходы были причиной появленія ходы, которая больше обыкновеннаго шага (средняя скорость 7 верстъ въ часъ) и въ то же время менѣе утомительна для лошади и для всадника, чѣмъ рысь. Тропота — видоизмѣненная рысь, — скорость которой доходитъ до 18-ти верстъ въ часъ, особенно дорога восточнымъ людямъ, такъ какъ дозволяетъ имъ сохранять свое степенное спокойствіе даже при быстрой ѣздѣ. Нѣкоторую роль въ выработкѣ этихъ аллюровъ играетъ, вѣроятно, чрезмѣрная тяжесть, которую приходится носить здѣшнимъ лошадямъ, прежде даже чѣмъ онѣ успѣли окончательно сложиться: въ нерѣдко встрѣтите двухъ, трехъ всадниковъ на одной и той же лошади, а вьюки всегда бываютъ слишкомъ велики: бѣдное животное, стремясь избѣжать толчковъ отъ чрезмѣрнаго груза, старается ступать какъ можно плавнѣе, и въ результатѣ его усилій получается своеобразный аллюръ.

Указанныя мною оригинальныя качества туркестанскихъ лошадей свойственны въ большей или меньшей степени различнымъ бухарскимъ породамъ; точно также причины вырожденія бухарскихъ породъ (въ родѣ гиссарской или бальджуанской) — тѣ же, что вызываютъ вырожденіе какой-нибудь мѣланьской или уратюбинской породы на нашей территоріи; поэтому сказанное мною о туркестанскихъ лошадяхъ въ равной мѣрѣ справедливо и по отношенію къ коневодству Бухары. Это до нѣкоторой степени оправдываетъ мое отступленіе въ область конскихъ вопросовъ; тѣмъ не менѣе я воздерживаюсь отъ дальнѣйшихъ подробностей на тему, могущую интересовать далеко не всякаго читателя. Къ

тому же выражать свое сужденіе о лошадяхъ всегда рисковано: слушая безконечные разговоры знатоковъ-любителей этого дѣла и видя, какъ они неизмѣнно считаютъ своей обязанностью по всемъ пунктамъ другъ другу противорѣчить, не приходило ли вамъ, читатель, на умъ, что составить себѣ правильное мнѣніе объ этомъ предметѣ—задача, принадлежащая къ труднѣйшимъ проблемамъ человѣческаго мышленія?!

Скажу только два слова о способѣ вьюченья, чтобы больше уже не возвращаться къ темѣ о лошадяхъ. Помимо обыкновеннаго сартовскаго вьючнаго сѣдла (похожаго на нашъ кавалерійскій ленчикъ), существуетъ специальное вьючное приспособленіе („чомъ“): оно состоитъ изъ круглаго, толстаго, вершковъ 3-хъ въ діаметрѣ, соломеннаго жгута, согнутаго въ формѣ буквы П. Его короткая, обшита войлокомъ сторона имѣетъ выемъ для холки, на которую она накладывается, а длинные концы, идущіе вдоль спины по изгибу реберъ, стягиваются бичевкой близъ крестца, примѣнительно къ ширинѣ крупа; послѣ нѣсколькихъ дней пути сѣдло подъ вліяніемъ тяжести принимаетъ форму соотвѣтственно строенію лошади. Самымъ удобнымъ подобное сѣдло оказывается тогда оно сдѣлано не изъ соломы, а изъ слоевъ войлока; въ этомъ случаѣ оно называется „бухарскимъ“ (въ отличіе отъ „кашгарскаго“).

Вещи укладываются либо въ „ягтаны“, либо въ „куржумы“. Последніе представляютъ изъ себя парные ковровые или грубой бумажной матеріи мѣшки, которые перебрасываются чрезъ сѣдло; они очень помѣстительны и пригодны для всякой поклажи, кромѣ хрупкой посуды. Поверхъ куржума нерѣдко садится погонщикъ; мѣстные жители ухитряются сохранять равновѣсіе на такомъ сдѣлѣніи даже при подъемахъ на значительныя крутизны. Ягтаны—это небольшіе кожаные сундуки, около аршина длиной и $\frac{1}{2}$ арш. вышиной; ширина ихъ должна быть по возможности меньше (не болѣе 8 вершковъ),—иначе лошади грозила бы опасность паденія на узкомъ карнизѣ.

Идея этихъ туземныхъ вьюковъ очень остроумна; будь на нашемъ мѣстѣ практичные нѣмцы или англичане, они бы давно уже выработали различныя подробности вьюковъ, примѣняясь къ европейскимъ потребностямъ; былъ бы въ точности опредѣленъ грузъ, соотвѣтствующій силамъ мѣстной лошади, были бы пригнаны на свое мѣсто каждый ремешокъ и застежка. У насъ не такъ. Не мало нами снаряжалось въ этомъ краѣ экспедицій, и ученыхъ, и иныхъ, но всегда мы довольствовались въ дѣлѣ вьюченья измышленіемъ туземцевъ; въ результатѣ—факты, подобные тому, ко-

торый произошелъ въ недавней, пользующейся громкою извѣстностью, экспедиціи: до половины обозныхъ лошадей пришлось оставить на дорогѣ вслѣдствіе побитыхъ спинъ; раны издавали такое зловоніе, что къ табуны трудно было подойти.

IV.

Черезъ четыре часа, все карнизамъ вдоль рѣки, мы, наконецъ, дошли до площадки, достаточно широкой, чтобъ воспользоваться ею для привала... Съ выючка, на которомъ слѣдовали наша столовая и буфетъ, сняли куржумы, достали изъ нихъ жестяные чайники и остатки какой-то закуски въ видѣ пирожковъ и язва довольно сомнительной свѣжести; затрещалъ костеръ, закипѣла вода въ кунганахъ—высокихъ мѣдныхъ кувшинахъ, которые ставятъ прямо въ огонь,—и скоро путешественники, расположившіеся на землѣ у подножья скалы, могли отдыхать, утоляя жажду чаемъ; подошли остальные выюки и направились въ висячему мосту, перекинутому черезъ рѣку въ нѣсколькихъ саженьяхъ дальше. И караванъ, извивавшійся змѣйкой среди каменныхъ глыбъ дороги, на половину скрывавшихъ собою лошадей, и группа отдохавшихъ путниковъ, казались такими маленькими, такими ничтожными въ тѣни исполинской скалы... Большой камень, когда-то сорвавшійся съ вершины, покоится теперь у ея подножья и, прислонившись къ стѣнѣ, образуетъ что-то въ родѣ пещеры, своды которой зачернѣны копотью: въ теченіе многихъ вѣковъ проходили здѣсь караваны; быть можетъ, тысячи путниковъ раскладывали свои костры подъ прикрытіемъ этого камня. Здѣсь шелъ лучшій путь изъ Каратегина въ кокандское ханство. Но русскимъ онъ сталъ извѣстенъ лишь очень недавно.

Первый образованный европеецъ, посѣтившій Алайскій (или Южно-Кокандскій) хребетъ и долину Алая и повѣдавшій всему ученому міру объ этой таинственной дотогѣ области, былъ А. П. Федченко. Не продолжительно было время, проведенное этимъ ученымъ въ Туркестанѣ, не многочисленны лица, входившія въ составъ экспедицій, во главѣ которыхъ онъ стоялъ, но добытые имъ результаты настолько велики, что ставятъ его имя на ряду съ тѣми, которые составили эпоху въ научномъ изслѣдованіи Средней Азіи ¹⁾. Самой важной его экспедиціей была поѣздка на

¹⁾ Мушкетовъ. Туркестанъ, т. I, гл. VII.

Алай въ 1871 г., предпринятая имъ только вдвоемъ съ женою, иллюстрировавшей его путешествіе. Въ то время еще существовало кокандское царство; въ немъ правилъ кровожадный по отношению къ своимъ подданнымъ, подозрительный ко всему русскому Худояръ-ханъ, и жизнь путешественниковъ, впервые пронывшихъ въ тѣ самыя мѣста, которыя мы теперь такъ спокойно проходили, подвергалась ежедневному риску. Изъ Коканда Федченко направился на югъ, къ Алайскому хребту, былъ въ долинѣ Исфары, Караказыка и, прорѣзавъ хребетъ тѣмъ же путемъ, какъ мы, по Исфайрамской долинѣ, вышелъ на Алай у Дараутъ-Кургана, гдѣ впервые увидалъ великолѣпную панораму многоснѣжнаго Заалайскаго хребта, существованіе котораго до этого дня никто не подозрѣвалъ. Исслѣдовавъ Алайскій хребетъ на востокъ до Гульчи, Федченко возвратился сѣверной границей кокандскаго ханства (Ферганы) въ Ташкентъ. Онъ не успѣлъ подѣлиться результатами своихъ драгоценныхъ наблюденій, такъ какъ преждевременная смерть скоро похитила этого замѣчательнаго человѣка, посвятившаго всѣ свои силы на пользу науки. Его труды заинтересовали весь ученый міръ, и цѣлый рядъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ специалистовъ принялъ участіе въ разработкѣ и изданіи собранныхъ имъ матеріаловъ.

Алайскій хребетъ принадлежитъ вмѣстѣ съ идущимъ параллельно ему Заалайскимъ хребтомъ къ системѣ Тянь-Шана; онъ отдѣляется отъ главной ея части въ юго-восточномъ углу Ферганы, близъ китайской границы, и тянется въ прямомъ направленіи на западъ, на протяженіи болѣе 300 верстъ. Средняя его высота надъ уровнемъ моря 11.000 ф., а надъ Ферганской долиной—9.500 ф. Шесть путей, длиною ок. 80-ти верстъ каждый, прорѣзаютъ хребетъ съ сѣвера на югъ, подымаясь изъ Ферганской долины вдоль горныхъ рѣкъ на снѣжные перевалы и круто спускаясь въ долину Алая. Два важнѣйшихъ изъ нихъ дѣлятъ хребетъ на три, почти равныя части: одинъ—тотъ, что дальше къ востоку—идетъ чрезъ перевалъ Талдыкъ и, спустившись въ Алай, взбирается чрезъ Заалайскій хребетъ и въ 40 верстахъ отъ его гребня достигаетъ озера Кара-Куля на Памирѣ; другой удобный путь—тотъ, по которому мы шли.

Мы переѣхали чрезъ мостъ и опять стали подыматься и спускаться по карнизамъ. Партія рабочихъ, челоуѣкъ въ 30, разработывала дорогу подъ присмотромъ сапернаго офицера. Мы разговаривали съ нимъ: онъ провелъ здѣсь одинъ въ обществѣ рабочихъ уже болѣе недѣли; палатки у него съ собой нѣтъ, провизія вышла; раздобудутъ рабочіе гдѣ-нибудь барана, тогда

есть чѣмъ пообѣдать, а не то такъ и безъ обѣда можно прожить. Расчистка этой дороги производится ежегодно, такъ какъ камни и щебень постоянно осыпаются со скалъ на карнизы. Разработка путей составляетъ одну изъ первѣйшихъ заботъ нынѣшней администраціи Туркестанскаго края; выполненіе этой задачи, подобно почти всѣмъ культурнымъ началамъ, вносимымъ русскою властью въ эту далекую, полудикую окраину, совершается помощью той же солдатской силы, которая ее покорила.

Трудно передать впечатлѣніе того разнообразія, которое глазъ подмѣчаетъ въ картинахъ Алайскаго хребта: точно движущаяся театральная декорация разворачивается предъ вашими глазами, ежеминутно мѣняя свои цвѣта и очертанья, несмотря на то, что это все та же дикая природа, все тѣ же лишеныя признаковъ человѣческой жизни, безлѣсныя, голыя скалы. Вотъ поднимается отвѣсная скала; подобная стѣнѣ, воздвигнутой гигантами, она изборождена глубокими морщинами, отдѣляющими мощные, саженой толщины, пласты гранита; рѣка оmyваетъ ее подножье. Потомъ горы отходятъ отъ рѣки, и вода бѣжитъ между глинистыхъ, кирпичнаго цвѣта береговъ, а дальше потокъ то пѣнится по камнямъ пороговъ; то шумитъ, ниспадая водопадомъ... Карнизъ проложенъ по каменистой осыпи: когда-то здѣсь обрушилась часть скалы и, разбившись на миллионы обломковъ, легла отъ верхняго края горъ до дна рѣки покатой плоскостью, узкою въ своей далекой вершинѣ, что уперлась въ расщелину двухъ сосѣдей-утесовъ, широкою въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы ее пересекаемъ по карнизу, еще шире подъ нами, тамъ внизу, на днѣ рѣки... А дальше, гдѣ-нибудь высоко-высоко, на самомъ верхнемъ краю скалы выдѣляется на голубомъ небѣ одинокое дерево, и думаешь сперва, что это былинка, а не дерево: такъ оно далеко и такимъ маленькимъ кажется... Кругомъ все пустынно и мрачно; только иногда, у крутого поворота рѣки, гдѣ вода, въ теченіе вѣковъ подрывая глину берегового обрыва, отошла отъ противоположнаго берега, видишь въ укромномъ уголкѣ побитутаго теченіемъ рѣчного дна двѣ-три березы, и въ тѣни ихъ какіе-то желтые цвѣты, привѣтливо пестрѣющіе среди сочной травы.

Жара спадала, сталъ накрапывать дождь и покрылъ мелкою сѣткой окрестныя горы. У меня нѣтъ ничего съ собою, чѣмъ бы укрыться; хочу переждать дождь за высокимъ камнемъ. Одинъ за другимъ проѣзжаютъ мимо меня мои спутники, укутанные кто въ бурку, кто въ европейское пальто, а дождь льетъ все сильнѣе и сильнѣе. Накрывшись попоной, направляюсь дальше по тропинкѣ, которая, не находя себѣ мѣста на одномъ склонѣ,

безпрестанно перебирается на другой берегъ по перекинутымъ чрезъ потокъ мостикамъ. Вонъ за однимъ изъ нихъ поднимается на кручу вереница всадниковъ: точно въ театрѣ, гдѣ на нѣсколькихъ саженихъ хотятъ дать иллюзію долгаго подъема, такъ они идутъ, извиваясь змѣйкой по такимъ частымъ зигзагамъ, что кажется, будто всадники, идущіе сзади, своими головами касаются ногъ впереди идущихъ лошадей...

Дождь прошелъ. Тяжело дыша, съ трудомъ поднимается моя лошадь среди лоснящихся, омытыхъ дождемъ камней. Я слѣваю, чтобъ облегчить ей подъемъ; тропинка такъ узка, что рядомъ не пройдеши; иду сзади, держа поводъ въ вытянутой руцѣ; лошадь дернула, поводъ выскользнулъ, и я тщетно стараюсь догнать ушедшую впередъ лошадь: такъ круто, что болѣе минуты нѣтъ силъ подыматься безъ отдыха. Положеніе для всадника комичное, но опасное для лошади: я увидалъ ее чрезъ нѣсколько минутъ впереди и выше меня; она бѣжала рысью по горизонтальному карнизу, задравъ голову, повернутую къ сторонѣ прощasti; поводъ болтался; наступи она на него — она бы спотынулась и покончила свои дни...

Уже смеркалось когда мы стали спускаться въ небольшую долину, затерянную среди горъ; густой вечерній туманъ поднимался съ пропитанной сыростью почвы, стелаясь по землѣ, какъ дымъ отъ орудійныхъ выстрѣловъ; въ туманѣ мы различили круглые своды юртъ, предназначенныхъ для нашей ночевки. Ихъ было всего три, — слишкомъ мало для довольно многочисленной партіи, — но и эти три юрты были доставлены сюда не безъ затрудненій, такъ какъ, за неимѣніемъ верблюдовъ, ихъ пришлось навьючить на лошадей; требуется до пяти лошадей, чтобъ поднять даже такую маленькую юрту, какъ тѣ, что были приготовлены для насъ волостнымъ алайскихъ киргизовъ въ урочищѣ Лянгаръ.

Обыкновенныхъ размѣровъ юрта свободно навьючивается на одного верблюда: большіе четырехъ-угольные куски войлока (юшмы), покрывающіе ея деревянный остовъ, кладутся на спину животного; поверхъ ихъ помѣщается самый остовъ — складная рѣшетка изъ прутьевъ, служащая стѣной этого остроумнаго зданія, при чемъ образуетъ что-то въ родѣ платформы, на которой иной разъ возсѣдаетъ супруга владѣльца верблюда, окруженная ребятишками и всякимъ скарбомъ; третья часть юрты, ея сводъ, состоитъ изъ выгнутыхъ прутьевъ, нижніе концы которыхъ привязываются къ краямъ рѣшетчатой стѣнки, а верхніе соединяются въ центрѣ свода, упираясь въ края обода, служащаго въ то же время дымовымъ отверстіемъ. Весь этотъ сводъ

въ разобранномъ видѣ, связанный въ одинъ пучокъ прутьевъ, также находить свое мѣсто на спинѣ верблюда. Если вамъ придется провести нѣсколько дней среди кочевниковъ, вы скоро освоитесь съ ихъ жилищемъ, и, привыкнувъ сидѣть на войлочахъ, которые разстилаются на землѣ, вы найдете въ немъ своеобразную прелесть. Только вотъ въ дождливую погоду оно не совсѣмъ пріятно тѣмъ запахомъ промокшей кошмы, который встрѣтилъ и меня, когда, согнувшись въ три дуги, я входилъ въ низенькую дверь одной изъ юртъ, гдѣ и засталъ моихъ спутниковъ среди оживленныхъ разговоровъ.

Промокшіе и озябшіе, сидѣли мы въ ожиданіи прибытія вьюковъ съ сухой одеждой и рассказывали другъ другу свои дорожные приключенія. Не стану передавать всѣхъ этихъ рассказовъ, — скажу только, что главную роль въ нихъ играла лошадь, ибо все путешествіе проходитъ въ постоянномъ уходѣ за своимъ конемъ: то надо вытащить застрявшій въ копытѣ камешекъ; то подкова начинаетъ хлябать на такомъ крутомъ спускѣ, гдѣ это по меньшей мѣрѣ нестати; то, утоляя жажду изъ горнаго ручья, лошадь съ водою втянетъ въ ротъ шівку, и на привалѣ приходится избавлять ее отъ этого кровопійцы при помощи палки, просунутой между челюстями...

— А у меня каска слетѣла внизъ, когда я ѣхалъ по откосу осыпи, — рассказываетъ одинъ изъ спутниковъ, не извѣдавшій ранѣе горныхъ путешествій и весьма дорожившій своимъ англійскимъ пробковымъ шлемомъ: — слетѣла внизъ, вижу — не слышкомъ круто, я за ней хотѣлъ спуститься, сдѣлалъ шагъ, — а камни подъ ногами такъ и поползли; тогда я сѣлъ и скатился на камняхъ, точно на салазкахъ...

— И вы остались цѣлы?.. Ну, такъ благодарите судьбу и другой разъ не пробуйте, а не то васъ такъ и засыплетъ камнями... и хоронить не надо будетъ...

Не успѣлъ новичокъ выразить свое удивленіе, какъ плетеная занавѣсъ, закрывавшая дверь юрты, приподнялась.

— Господа, обѣдъ готовъ! — радостно провозгласилъ кто-то при видѣ входящаго въ юрту джигита съ блюдомъ баранины. Разговоры прекратились, каждый постарался устроиться поудобнѣе, главное — поближе къ блюду, и всѣ занялись ѣдой. Чувствуется большой недостатокъ въ ножкахъ и вилкахъ; приходится записаться немалой долей терпѣнія...

— Иванъ Петровичъ, вонъ рядомъ съ вами лежатъ *ножичекъ*, — говоритъ кто-нибудь, жезломъ этимъ уменьшительнымъ именемъ скрыть свое нервное нетерпѣніе, и Иванъ Петровичъ любезно

передаетъ ему просимое, внутренно крайне недовольный, что его уже третій разъ беспокоятъ и не даютъ справиться съ изряднымъ ломтемъ баранины.

Голодъ утоленъ, и путешественники, одинъ за другимъ, вынимаютъ книжечки и начинаютъ при свѣтѣ огарка записывать событія дня. Все заносится въ эти книжечки: и часы приваловъ, и число мостовъ, и цвѣтъ небесъ, и то, что среди горныхъ породъ попадаются сіониты, и то, что у повстрѣчавшейся намъ старушки-киргизки лицо не было покрыто фатой, и высота показаній anerоида. Почти всѣ записываютъ; записываю и я. „Такъ себѣ, для памяти“,—отвѣчаешь на вопросъ о цѣли дневника, но должно быть, подобно мнѣ, всѣ чувствуютъ, что каждый втайнѣ желаетъ смутную надежду превратить когда-нибудь свои записки въ печатную статью, и подъ сводомъ окутанной мракомъ юрты носится духъ таинственной и довольно забавной конкуренціи...

На дворѣ шумъ... Выхожу изъ тепла юрты на вечернюю свѣжесть и сырость, дождь льетъ. Вьюки пришли... развязали веревки, внесли ягтаны и чрезъ $\frac{1}{2}$ часа въ юртѣ настала тишина... Потомъ и на дворѣ прекратился шумъ, смолкли голоса джигитовъ, и было слышно только, какъ лиль безостановочно дождь и какъ привязанныя къ колышкамъ сонныя лошади переступали копытами въ промокшей муравѣ; но и этотъ звукъ доходилъ сквозь стѣнку юрты какъ-то особенно, и чувствовалась какая-то отрѣшенность отъ внѣшняго міра, точно когда въ вагонѣ слышишь ночью сквозь стекла оконъ отрывочный разговоръ и шаги на станціонной платформѣ...

Весь слѣдующій день прошелъ въ безостановочномъ подъемѣ на перевалъ Тенгизъ-Бай. Мы вступили въ другой климатъ; температура днемъ едва достигала 20° R, къ вечеру спустилась до 7. Мы были въ поясѣ арчи; это красивое дерево (яловецъ, *Pinus pseudosabina*), съ бѣлымъ, крученымъ, точно канатъ, стволѣмъ, съ темной хвойной зеленью, принадлежитъ къ породѣ можжевеловыхъ и растетъ на высотѣ 1.500—3.000 мет. Нѣкогда горы, окружающія долину Ферганы, были покрыты обильными лѣсами, питавшими теперь высохшія рѣки; но лѣса, истребляемые въ теченіе вѣковъ кочевниками, исчезли, и въ наше время арча—единственное дерево, растущее здѣсь въ достаточномъ изобиліи, чтобы образовать нѣчто въ родѣ роцъ, правда, очень негустыхъ. Несмотря на всѣ мѣры, принимаемыя нашей администраціей, гибель лѣсовъ въ горахъ Туркестана идетъ съ ужасающей быстротой; не избѣгнетъ, вѣроятно, общей участи и арча, которую углепромышленники безжалостно рубятъ, чтобы получить изъ цѣлага

дерева (вѣсомъ пудовъ въ 20) мѣнѣе одного пуда угля. Изъ арчи сдѣланы также многочисленные мосты, переброшенные чрезъ р. Исфайрамъ, которая на этой высотѣ представляетъ изъ себя узкій горный потокъ все съ болѣе и болѣе крутымъ паденіемъ, среди крупныхъ каменныхъ (и нерѣдко мраморныхъ) глыбъ.

Устройство этихъ мостовъ очень незамысловато: два выступа, сложенные изъ камней, иногда съ промежуточными слоями древесныхъ колевъ, выдвигаются отъ каждаго берега на встрѣчу другъ другу настолько близко, чтобы ширина пролета между ними не превышала длины переброшеннаго чрезъ него бревна; настилка аршина $1\frac{1}{2}$ шириною состоитъ изъ жердей, присыпанныхъ землей. Получается мостъ вполне крѣпкій и надежный, несмотря на его воздушный видъ. Такіе же мосты, но лишь въ большемъ масштабѣ, встрѣчались намъ на бухарской территоріи чрезъ довольно широкія рѣки; тамъ колья въ береговыхъ выступахъ замѣнены цѣлыми бревнами, каждый верхній рядъ которыхъ выступаетъ надъ нижнимъ дальше въ серединѣ рѣки; длина одного бревна оказывается уже недостаточной, чтобы замѣнить пролетъ, и для этой цѣли приходится связать два, три дерева, служащія продолженіемъ одно другого. Во всей постройкѣ нѣтъ ни одного гвоздя, и крупныя бревна связаны помощью хворостинъ. Очевидно, такой мостъ при значительной длинѣ (до 30—40 шаговъ) не отличается особенной устойчивостью: когда по немъ ѣдешь шагомъ, онъ качается, какъ рессорный экипажъ, и въ длину и по линіи поперечника; это двойное качаніе при большой высотѣ надъ уровнемъ рѣки настолько непріятно, что даже туземцы считаютъ нужнымъ слѣзать и проводить лошадей въ поводу.

Мы все поднимались; на одномъ поворотѣ я оглянулся: позади меня сумрачно-лиловыя скалы сдвинулись глубокимъ амфитеатромъ; свинцовыя облака нависли надъ ними тяжелой крышей; а впереди, надо мною, ничего не было видно, кромѣ вырисовававшегося на чистомъ небѣ края горы, по которой я взбирался. Казалось, еще нѣсколько сажень, и я на вершинѣ перевала, но доберешься до края, а тамъ неожиданно сѣдловина и снова подъемъ.

Наконецъ, къ вечеру мы достигли унылой, безжизненной долины у подножья горы, подобной огромному кургану: путь чрезъ нее и есть перевалъ Тенгизъ-Бай; по ту сторону начинается спускъ по южному склону Алайскаго хребта въ долину Алая. Кругомъ стояли снѣжныя вершины. Здѣсь мы провели ночь въ юртахъ.

Сильный холодъ заставилъ насъ рано проснуться на другой

день: было 6° тепла, но послѣ недавнихъ 40-градусныхъ жаровъ намъ казалось, будто это было осеннее утро; разрѣженный горный воздухъ былъ свѣжъ и живительной струей вливался въ грудь.

Три четверти часа подъема—и мы на вершинѣ перевала, на высотѣ 11.800 футъ. Дулъ холодный вѣтеръ. „Въ прошломъ году,—разсказываетъ мнѣ спутникъ, съ которымъ мы остановились, чтобы записать показанія барометра,—я былъ здѣсь двумя недѣлями раньше, и все уже было занесено снѣгомъ“. Теперь снѣгъ лежалъ небольшими пятнами въ складкахъ косогора; едва замѣтный зарождающійся ручеекъ протекалъ вдоль дороги. Спускъ очень крутъ, и скоро мы опять очутились среди скалъ; снова появилась растительность, сперва въ видѣ жалкихъ, стелющихся по землѣ экземпляровъ арги, ниже—въ видѣ кустовъ рябины и березъ. Ручеекъ превращается въ шумный потокъ (Кара-Джилги), дорога врѣзается все глубже въ ущелье и близъ впаденія рѣчки Шиманъ входитъ въ Даравтскую тѣснину: двѣ совершенно отвѣсныя гранитныя скалы сближаются между собою, оставляя путнику лишь узкій, въ 12 шаговъ шириною, проходъ, на половину занятый теченіемъ рѣки. Подобныя мѣста опасны въ непогоду, когда быстро поднявшіяся воды ручьевъ, ворвавшись въ тѣснину, могутъ унести съ собою цѣлыя караваны.

Еще верстъ 10 по хорошо разработанному карнизу, проложенному то чрезъ черныя осыпи грифельныхъ сланцевъ, то въ полутьмѣ извилистаго коридора,—и къ полудню мы увидѣли въ концѣ тѣсины просвѣтъ: горы разступились, и нашимъ глазамъ представился залитый солнцемъ просторъ Алайской долины; по ту сторону ея, на томъ берегу „красноводной“ рѣки, за гладью зеленыхъ луговъ, прорѣзавъ бѣлоснѣжныя облака, уходили въ небесную высь снѣговыя вершины Заалая.

V.

Слово „алай“ значитъ „рай“ по-каракиргизски; этимъ именемъ киргизы называютъ долину, заключенную между двухъ почти параллельныхъ хребтовъ—Южно-Кокандскимъ и Заалаемъ.

Долина эта со времени Федченко, открывшаго ее, заинтересовала геологовъ вопросомъ о своемъ происхожденіи: одни полагаютъ, что въ былое время ее заполняло ледниковое море, что, позднѣе, она служила дномъ нагорному озеру; другіе,—отрицающіе существованіе ледниковаго періода на Памирскомъ плоскогорьѣ, объясняютъ образованіе долины дѣйствіемъ рѣчныхъ

воду, размывшихъ мягкія породы окрестныхъ горъ; но всё согласны, что Алай представляетъ типичный примѣръ высоко поднятыхъ надъ уровнемъ моря продольныхъ долинъ, характеризующихъ систему Тянь-Шаня и Памира.

Долина тянется въ широтномъ направленіи на протяженіи 120 верстъ, равномерно поднимаясь съ 8.000 ф. на западномъ концѣ до 12.000 у своего верховья; ширина ея остается почти та же на всемъ протяженіи и не превышаетъ 40 верстъ. Верховья долины находятся на томъ горномъ узлѣ, который, связывая Заалай, Алайскій и Ферганскій хребты, образуетъ водораздѣлъ трехъ бассейновъ: на сѣверъ текутъ притоки Сыръ-Дарьи въ Ферганскую долину, на востокъ и на западъ двѣ одноименныя рѣки, два Кызыль-Су стекаютъ съ вершины водораздѣла; первый, спустившись въ долину Кашгара и принявъ имя Кашгаръ-Дарьи, впадаетъ въ Таримъ, чтобы исчезнуть въ пустынныхъ пескахъ Центральной Азіи, другой—западный Кызыль-Су течетъ по Алайской долинѣ, придерживаясь сѣверной ея грани—подножья Алайскаго хребта—и дѣлится на многочисленные рукава, изрѣзывающіе дно долины причудливымъ узоромъ. Пройдя 400 верстъ по бухарской землѣ, алайскій Кызыль-Су, подъ именемъ Вахша, соединяется съ памирской рѣкой Пянджемъ; ихъ соединенное русло получаетъ названіе Аму-Дарьи.

Южная грань Алая—это громадный стоверстный Заалайскій хребетъ, поднимающійся въ среднемъ на 18 т. ф.; начиная съ 13 т. ф., онъ покрытъ вѣчнымъ снѣгомъ; на восточномъ концѣ гордо возвышается первая по высотѣ на всемъ Тянь-Шанѣ вершина Гурумды; а въ средней его части поднимается на высоту 23.000 футъ пикъ, носящій имя памятнаго въ исторіи Туркестанскаго края К. П. Кауфмана. Въ противоположность Южно-Ковандскому хребту съ его многочисленными перевалами, Заалай проходимъ только въ двухъ мѣстахъ: чрезъ перевалы Кызыль-Артъ (на высотѣ 14 т. ф.) и Терсъ-Агаръ (16 т.). О первомъ изъ нихъ, ведущемъ къ сѣверному берегу озера Кара-Куль, мы уже упоминали: этимъ путемъ поднялся на Памиръ отрядъ Свобелева въ 1876 г.; тотъ же путь избрала послѣдняя памирская экспедиція 1892 г.; другой перевалъ, лежащій въ западной части долины, прямо противъ Дараутъ-Курганскаго ущелья, ведетъ въ малоизслѣдованную мѣстность верховьевъ рѣки Мукъ-Су, вытекающей изъ ледника Федченко, среднее теченіе которой еще не нанесено на карту.

Таково географическое положеніе Алая. Бѣднымъ, не избалованнымъ щедротами природы киргизамъ, эта долина, съ ея

сочной травой, съ многоводной рѣкой, прорѣзывающей ее въ длину, и обиліемъ ручьевъ, ниспадающихъ по склонамъ обоихъ гигантскихъ горныхъ вряжей, дѣйствительно должна казаться раемъ. Это любимое мѣсто лѣтнихъ кочевовъ многочисленныхъ киргизскихъ родовъ (тогай, теитъ, монгушъ, адыгинъ, ичкиликъ), приходящихъ сюда изъ опскаго, андижанскаго и маргеланскаго уѣздовъ Ферганы. Въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ собирается здѣсь до 15 т. семей, откармливающихъ на просторѣ алайскихъ луговъ свой рогатый скотъ и овецъ; количество скота достигаетъ 500.000 головъ; встрѣчаются одnogорбые верблюды, но изрѣдка, по нѣскольку штукъ у самыхъ богатыхъ хозяевъ. Съ половины августа кочевники начинаютъ возвращаться въ свои зимовки, долина постепенно пустѣетъ, и зимою глубокой снѣгъ покрываетъ сплошнымъ саваномъ мертвую долину. Только въ низовьяхъ ея жизнь продолжается круглый годъ: въ боковыхъ ущельяхъ (верстѣ на 20 по обѣ стороны отъ Дараутъ-Кургана) разбросаны жалкія сакли, въ которыхъ укрываются на зиму отъ непогоды около 150 семействъ колѣна Найманъ вмѣстѣ со своими стадами. Кромѣ барановъ, главнаго богатства кочевниковъ, у этихъ киргизовъ водятся яки, трудно укротимое домашнее животное, весьма цѣнимое киргизами, и какъ вьючная сила, и какъ скотъ, доставляющій молоко, шерсть и крѣпкую, толщиною въ палецъ, шкуру, продаваемую ими въ Фергану по 2 р. 50 к. за пудъ. Изъ длинной шерсти яка и пушистаго хвоста плетутся мягкія веревки для вьюковъ и лучшія подпруги. Зимою яки уходятъ въ горы, верстѣ за 20 отъ жилищъ своихъ хозяевъ, и пасутся тамъ, пробивая крѣпкими копытами снѣгъ и даже ледъ.

Земледѣліе въ Алайской долинѣ возможно въ весьма незначительномъ размѣрѣ, лишь въ низовьяхъ ея, въ районѣ, занятомъ осѣдными киргизами, которые сѣютъ ячмень и пшеницу; верстѣ 35 выше Дараутъ-Кургана (близъ урочища Газъ) уже прекращается культурная полоса, ибо за краткостью лѣта хлѣбъ не успѣваетъ дозрѣть.

Извѣстно, что въ настоящее время въ Ферганской долинѣ вовсе нѣтъ свободныхъ культурныхъ земель для заселенія ихъ выходцами изъ коренной Россіи; администрація, стремясь увеличить численность русскаго элемента въ краѣ, естественно должна была обратить вниманіе на долину Алая, какъ на мѣстность, съ перваго взгляда отѣчающую подобной цѣли. Въ предположеніи, что на Алаѣ можно имѣть до 60.000 десятинъ пригодной для хлѣбопашества земли, выработали проектъ заселенія ихъ казаками; при этомъ имѣлось въ виду со временемъ создать алайское казачье войско,

которое служило бы оплотомъ въ дѣлѣ охраненія памирскихъ границъ отъ нарушенія со стороны сосѣдей и тѣмъ дѣлало бы излишнимъ содержаніе дорого-стоющаго постоянного отряда регулярнаго войска на Памирѣ. Проектъ этотъ, если не ошибаюсь, и теперь еще не оставленъ, но, въ виду указанныхъ выше ничтожныхъ размѣровъ культуро-способной площади въ долинѣ, надо предполагать, что его осуществленіе встрѣтитъ значительное затрудненіе; по крайней мѣрѣ люди, извѣдившіе долину во всѣхъ направленіяхъ, знакомые со всѣми ея углами, говорятъ, что поселить въ ней можно не болѣе 1.000 семействъ; остальнымъ пришлось бы существовать покупнымъ хлѣбомъ.

Помимо кибитокъ номадовъ и саклей осѣдлыхъ киргизовъ есть въ предѣлахъ Алая болѣе важное поселеніе; это лежащая при истокахъ китайскаго Кызыль-Су, на самой границѣ двухъ имперій, крѣпость Ирештамъ; 30 человѣкъ казаковъ при одномъ офицерѣ—вотъ весь немногочисленный гарнизонъ ея, призванный, въ случаѣ нужды, напомнить сосѣдней державѣ о величіи русскаго имени. Тутъ же, рядомъ съ крѣпостью, находится ирештамскій таможенный пунктъ, имѣющій важное значеніе, такъ какъ въ немъ сосредоточивается, согласно договору съ Китаемъ, все торговое движеніе между Кашгаромъ и Ферганой, иными словами, почти вся торговля Китая съ нашими туркестанскими владѣніями.

Таможенный надзоръ въ Алаѣ этимъ не ограничивается: въ лѣтнее время выставляется постъ при выходѣ дороги съ Памировъ, подъ переваломъ Кызыль-Артъ (въ м. Баръ-Даба); кромѣ того существуетъ летучій отрядъ стражниковъ, оберегающій доступъ въ западную часть долины. Съ учрежденіемъ бухарско-афганской таможенной линіи эти мѣры охраненія окажутся излишними: съ запада, чрезъ Каратегинъ, товары не будутъ имѣть возможность проникнуть, такъ какъ все бухарское ханство будетъ включено въ предѣлы таможенной черты; ожидать же, что значительная контрабанда проложитъ себѣ путь съ юга, чрезъ Памиръ, нѣтъ основанія, ибо врядъ ли найдется много охотниковъ сдѣлать 300—400 верстъ среди памирскихъ горъ, ради того, чтобы пронести на своей спинѣ пять, шесть пудовъ индійскаго чая или нѣсколько свертковъ кисеи. Путешествіе въ горахъ Средней Азіи, до которыхъ еще не коснулась рука европейскаго рабочаго, не есть легко совершаемая прогулка, особенно для контрабандиста, принужденнаго искать иныхъ путей, кромѣ всѣмъ доступныхъ тропинокъ. Только традиціонный страхъ Англіи за цѣлость драгоцѣннаго ей Индостана можетъ породить представленіе о лег-

кости движенія черезъ море горъ, именуемое Памиромъ. Гордый сынъ Альбіона, жестокой въ своемъ презрѣніи къ подвластной расѣ, начинаетъ сознавать, что зашелъ за предѣлы возможнаго въ притѣсненіи индускихъ племенъ, и, боясь Россіи, сильной своей любовью къ племенамъ востока, онъ обращаетъ безпокойный взоръ на сѣверъ: въ его боязливомъ воображеніи изъ-за высочайшихъ въ мірѣ горъ встаетъ ея могучій призракъ и онъ уже видитъ вонновъ „блага царя“, безпрепятственно, какъ снѣжная лавина, спускающихся съ памирскихъ высей на помощь угнетеннымъ, къ берегамъ священныхъ рѣкъ...

VI.

Мы отдыхали на лугу; кругомъ росли кусты облепихи; Кизылъ-Су протекалъ въ нѣсколькихъ саженьяхъ, неся мимо насъ свои быстрыя, красныя отъ глинистыхъ частицъ воды. Противъ выхода изъ Дараутъ-Бургана виднѣлись развалины крѣпости; ея глинобитныя стѣны были когда-то сложены воеводами для защиты доступа въ ущелье; теперь онѣ служатъ загономъ для киргизскихъ стадъ. На томъ берегу снѣжный склонъ Заалаа блестѣлъ какъ праздникъ въ лучахъ полдневнаго солнца. Было жарко, 42° по Ц. Мы двинулись дальше, внизъ по долинѣ.

На встрѣчу приближалась группа всадниковъ; по пестротѣ одеждъ можно было издали угадать, что это бухарцы: дѣйствительно, отправленный впередъ джигитъ вернулся съ отвѣтомъ, что это придворные эмира, высланные привѣтствовать насъ. Мы не ожидали этой встрѣчи такъ рано; многіе изъ насъ одѣты совсѣмъ неподходящимъ къ случаю образомъ; моя шведская куртка, —незамѣнимая по удобству въ пути, по прохладѣ въ дневной жаръ и теплотѣ въ вечерней прохладѣ,—оказывается рѣшительно неумѣстной при официальной встрѣчѣ; къ счастью, притороченное къ сѣдлу офицерское пальто выручаетъ изъ бѣды. Бухарцы слѣзаютъ съ коней и здороваются съ начальникомъ экспедиціи: „Его свѣтлость,—повторяетъ ихъ слова переводчикъ,—очень доволенъ имѣть васъ гостями въ своемъ государствѣ и надѣется, что вы совершите путешествіе благополучно и въ добромъ здоровѣѣ“. Свое привѣтствіе они оканчиваютъ обычнымъ пожеланіемъ вновь прибывшимъ всего лучшаго „во имя священныхъ узъ, связывающихъ оба государства“. Выслушавъ соотвѣтствующій отвѣтъ, они обходятъ насъ, протягивая каждому руку, потомъ садятся

верхомъ, подбираютъ полы халатовъ и мѣрно, раскачиваясь на добрыхъ ходунцахъ, ѣдутъ впередъ, указывая намъ дорогу.

Рѣка подошла вплотную къ горамъ; мы поднялись на значительную выпину: лежащіе на днѣ долины верблюды кажутся такими маленькими, что ихъ можно принять за овецъ; тропинка очень узка; привычная лошадь осторожно ставитъ ноги, обдумывая каждый шагъ, а внизу рѣка сердито бьется о стѣну обрыва. Въ дальнѣйшемъ пути намъ приходилось идти по дорогамъ гораздо болѣе опаснымъ, и мы привыкли относиться къ нимъ съ полнымъ равнодушіемъ, но когда ѣдешь въ первый разъ по подобнымъ мѣстамъ, имѣя съ правой стороны откосъ горы, а съ другой— пропасть, надъ которой виситъ лѣвая нога всадника, то испытываешь ощущеніе не особенно отрадное: сперва все кажется будто лошадь жметъ къ сторонѣ обрыва и тянешь ей правый поводъ, и потомъ только соображаешь, что лучше всего оставить ее спокойно идти по ея усмотрѣнію.

Для ночевки мы остановились въ долинѣ Кокъ-Су (одинъ изъ притокъ притокъ Кызыла). Не буду описывать достархана, которымъ насъ угощали бухарцы въ своей юртѣ: всѣ эти блюда баранины, подносы съ сладостями и чаши („піола“) съ „шурпой“ (бульонъ) описаны много разъ; къ тому же угощеніе въ Кокъ-Су было очень скромно: чиновники извиняются за него и объясняютъ, что настоящая встрѣча будетъ на бухарской землѣ въ урочищѣ Кичи-Карамукъ, гдѣ уже сдѣланы богатые приготовления. Время быстро прошло среди хлопотъ по устройству ночлега, такъ что, когда я, взявъ съ собой ружье, въ расчетѣ найти перепеловъ, отправился вверхъ по долинѣ, наступалъ уже вечеръ; я не успѣлъ пройти далеко и видѣлъ только поля, принадлежащіе киргизамъ, зимовка которыхъ тутъ же лѣпилась по склону горъ; пшеница была убрана и сложена въ конусообразныя копны, какъ у насъ складываютъ коноплю.

Въ Кокъ-Су экспедицію нагналъ джигитъ, который привезъ мнѣ фотографическій аппаратъ, пришедшій въ Маргеланъ чрезъ нѣсколько часовъ послѣ нашего выступленія. Я не слышомъ жалѣлъ о томъ, что онъ такъ запоздалъ, ибо весь этотъ путь до границы Бухары, и даже дальше до города Гарма, хорошо извѣстенъ туркестанцамъ и снимки съ него можно найти у маргеланскаго фотографа. Путь изъ Маргелана на Гармъ ¹⁾ чрезъ Алай—это торная дорога всѣхъ экспедицій, отправляемыхъ въ Бухару

¹⁾ Гармъ—главный городъ Каратегина.

изъ Ферганы; этимъ же путемъ ходятъ обыкновенно купцы, такъ называемые „саудагеры“ (яѣчто въ родѣ нашихъ офеней), промѣнивающіе въ кишлакахъ восточной Бухаріи русскій мелочной товаръ на стада барановъ. Въ дальнѣйшемъ путешествіи наша экспедиція должна пройти по болѣе интереснымъ, мало изслѣдованнымъ мѣстностямъ. Число европейцевъ, посѣтившихъ, напри- мѣръ, Дарвазъ, не превосходитъ десяти человѣкъ, и моя фото- графія сослужить гораздо лучшую службу на рѣкѣ Ванѣ, кото- рая никогда еще, съ тѣхъ поръ какъ нависли надъ ней дикія скалы, не отразилась въ фокусѣ объектива.

Верстахъ въ десяти западнѣе Кокъ-Су отроги Алая выдви- гаются къ югу на встрѣчу Заалайскому хребту, оставляя лишь узкую тѣснину для водъ Кызыла, который здѣсь мѣняетъ свое названіе на Сурхъ-Объ; этотъ поперечный кряжъ замыкаетъ Алай- скую долину. Мы достигли его на слѣдующій день, 9-го августа, послѣ часового пути. Здѣсь опять насъ встрѣтила многочисленная группа бухарцевъ, присланныхъ каратегинскимъ бекомъ. Бекъ извѣщаетъ, что намъ приготовленъ его домъ въ цитадели Гарма; при этомъ выражаетъ сожалѣніе, что самъ принять насъ не мо- жетъ, ибо эмиръ послалъ его въ сосѣднія бекства собирать „са- ваймъ-заякетъ“ (т.-е. пошлину со скота).

Наша свита все растетъ; чрезъ нѣсколько верстъ насъ при- вѣтствуютъ чиновники дарвазскаго бека. Теперь уже до сотни всадниковъ то вытягиваются длинной лентой по карнизу, то раз- сѣиваются по широкой долинѣ Сурхъ-Оба: ихъ чалмы красиво блѣкнутъ среди зелени кустовъ; яркая пестрота ихъ халатовъ на- лагаетъ печать востока на окружающую картину... Все предвѣ- щаетъ, что мы приближаемся къ границѣ Бухаріи.

Переѣзжаемъ вбродъ рѣчку Катта-Карамузь. Горы сдви- гаются полукругомъ; Сурхъ-Объ прячется за поперечный кряжъ, который преграждаетъ намъ путь по долинѣ; по гребню этого пе- ревала проходить государственная граница. Здѣсь ожидаютъ, вы- танувшись въ одну шеренгу, нѣсколько человѣкъ алайскихъ кир- гизовъ съ волостнымъ во главѣ; они прощаются съ нами, подно- сятъ намъ кумысъ, говорятъ какія-то пожеланія на непонятномъ языкѣ, и черезъ минуту представители русской власти, старательно откланиваясь восточнымъ поклономъ, остаются сзади: мы начинаемъ спускаться съ перевала и вступаемъ въ бухарскую землю.

Я еще разъ оглянулся назадъ на родную границу...

За 1¹/₂ мѣсяца, проведенныхъ въ предѣлахъ бухарскаго ханства, мы изѣздили много верстъ по степямъ и среди горъ, видѣли много деревень и городовъ, но разсказать о томъ, каково житье-бытье населяющихъ ихъ племенъ, какъ бухарскій народъ пашетъ землю, чѣмъ торгуетъ, какъ съ него беки собираютъ подати для эмира и какое у эмира войско, — разскажу обо всемъ этомъ когда-нибудь въ другой разъ.

Кн. Александръ Волконскій.

